

Евгения Чепенко

Ведьма и закон.
Игры вестников

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Маруся — уникальный рыжий, кудрявый сотрудник Интерпола. У нее есть метла, мудрая прабабушка, масса проблем и подозрительно ласковый шеф.

Приключения нелепой шестерки мифических созданий на службе межмировой уголовной полиции продолжаются.

Евгения Чепенко

Ведьма и закон. Игры вестников

© Чепенко Е. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

История первая

Люди, нефилимы и тайны прошлого

Здесь есть, точнее, существовали когда-то полусоздания или, как местные говорят, полуллюди, которые в каком-то смысле немного похожи на меня. Нефилимы^[1].

Их отцы — создания разных сущностей, но одной веры, подопечные одного высшего и прозванные здесь ангелами. Правда, если верить Горице, к христианству эти ангелы отношения имеют мало. Нефилимы, несмотря на различные сущности отцов, всегда рождались с одинаковой силой. Как именно создания умудрялись зачать детей в паре с человеком, учитывая, что это невозможно, мне пока не рассказывают. Хотя догадаться несложно. Тут всегда и на все простой ответ: очередной всесильный и безумный экспериментатор...

Из личных записей Константина Ивченко

Маруся сосредоточенно рассматривала пальцы рук и изредка принималась покручивать тонкое бронзовое колечко. Это люди золото да серебро носят, а в миру ценится «первая бронза», та самая, которую когда-то в Иномирье занесли переселенцы. Большая часть изделий того времени хранится в земельных музеях и порой встречается в музеях Иномирья, малая же часть сосредоточена в частных руках и в качестве семейных реликвий передается от поколения к поколению. Украшение на пальце Руси не имело отношения к ее семье и досталось ей не от матери или бабушки, хотя последняя и сыграла в сем процессе немаловажную роль. Колечко подарил змий Вукола, большой любитель вина, мудрости, поэзии и бабули. Любила ли его сама бабуля или нет, Маруся не знала, но вслед за Береславой в годы отрочества звала пламядышащего не иначе как Куля или дед Куля, на что змий не гневался.

Один из присутствующих поерзал в кресле — это единственное, что прервало неестественную тишину, царящую в кабинете Ярослава. Руся исподлобья оглядела так называемых экспертов и вновь уткнулась в свое колечко. Есть в ее новой профессии моменты, от которых откровенно не по себе. Примером могло послужить происходящее. К чему было тащить ее сюда? Куда как логичнее было бы изучить материалы ее личного дела, уж затем вызывать на беседу. А так... Что за особая мода?

— Читали ли вы отчет вашего руководителя?

— Нет. — Маруся подняла голову и прямо взглянула на говорящего. Первый вопрос за десять минут, что она тут провела.

— Он характеризует вас положительно. Его рекомендации связаны со специфическими фобиями. Вам предписывается систематическая десенсебилизация^[2].

— Хорошо.

Больше вопросов не последовало.

— Вы свободны. — Ярослав эту фразу произнес с едва уловимой улыбкой победителя.

Маруся поднялась, вежливо кивнула собравшимся и, горделиво расправив плечи, удалилась. За дверьми маячила Женя.

— Ну?

— А змий задери! Я вообще не поняла, зачем туда ходила, — прошептала Козлова.

— Это значит взяли. Поздравляю, — по слогам точно так же шепотом провозгласила Женя и потянула ведьму к столу. — За это надо выпить. У меня есть кофе.

— Куда взяли? — не поняла Руся. — Две недели прошло только.

— А ты не видела того мелкого с кожаным браслетом на полруки?

— Цверга?

— Его.

— И?

— Это сторонний. — Женя протянула Марусе блюдце с чашечкой. — По твою душу. Только Ярослав — не Ярослав, ежели он подчиненных просто так отдаст.

Руся удивленно уставилась на свое отражение в кофе.

— В каком смысле «сторонний»?

— Военный. Вообще у тебя самые неоднозначные показатели среди всех вживленных, так что ты бы заинтересовала «оборонщиков» в последнюю очередь, кабы не одно «но». Выяснилось, что внутри твоей головы произошло нечто темное и непонятное.

— В моей голове в принципе все темное и непонятное, — не удержалась от философского комментария Маруся.

— Не важно, — отмахнулась Женя. — Важно, что воссоздать инцидент с куполом у них не вышло. Они и своих штатных подключали, и троих свободных. По нулям. Ты оказалась единственной и неповторимой.

— Логично. Как землю спасти или жизни чьи-то — это все вокруг. Как в нелепость какую вляпаться — это я, единственная и неповторимая.

Женя указала Русе на стул рядом со своим рабочим местом и прислушалась к происходящему в кабинете начальства. Там явно шла оживленная дискуссия.

— А правильных вопросов ты не задаешь. Надо было спросить, почему они тебя не забрали и не обратились лично.

Козлова едва не поперхнулась.

— А что, так могут?

— Еще как могут и делают. В договоре свободных магов есть три взаимосвязанных пункта, по которым вы обязаны в случае обоснованной необходимости, так сказать, отдать долг социуму. Неужто, думаешь, остальных троих подкупили подопытными поработать?

— Я не знала.

— Тебя спас контракт с Интерполом. А постоянный обезопасит полностью. Так что у Цверга руки связаны. С этого момента эксперимент закончился. Ты в штате. И ты, кстати, всего этого не знаешь, и я не знаю. Мы пьем кофе и болтаем о туфлях.

— Хорошие туфли. Ценные.

— Тоже так думаю. Ярослав велел тебя задержать для личной беседы, так что ты тут сидишь не праздно.

— А можно вопрос? — чуть поразмыслив, решила спросить ведьма.

— Можно. Но не факт, что будет ответ.

— Вслух, наверное, прозвучит ужасно, но все же... Как ты оказалась здесь?

Женя смущенно улыбнулась:

— Ты первая, кто спросил.

— Серьезно?

— Серьезно. Агум — не шутка.

— Предусмотрительно. Чего обо мне не скажешь. — Маруся досадливо поморщилась. В своих пространных размышлениях о судьбе Кости и его адаптации к местным жизненным реалиям она как-то позабыла, что Ярослав — представитель древнего рода «мировых творцов» и задавать пусть и косвенные вопросы о его личной жизни попросту опасно.

— На самом деле не все так ужасно. Я же знала заранее, что тебя просветили и насчет родства, и насчет родовой принадлежности. Уж лучше б кто сразу в лоб спросил, чем за спиной в ищеек играть.

— Это да.

Женя умолкла и прислушалась к происходящему в кабинете.

— Слышишь бас?

Козлова кивнула.

— Цверг вещает. Значит, уже скоро закончат. Мне шесть лет было. Родителей никогда не помнила, жила с бабушкой. В общем, воспоминания сохранились яркие. Дергаю цветы за сараями в конце проулка, а тут он, весь такой красивый и величественный — раз и пропал. Ну я возьми и прыгни следом с криком: «Дядя, я тебя спасу». От чего спасала, честно говоря, не помню уже.

— И как? Спасла?

— Нет. Оцарапала. Он праздно по мирам бродил, медитировал, размышлял. Проход в Великие Пустоши вел...

Маруся начала смеяться, отчетливо представляя произошедшее далее. Пустоши — особое место уединения и паломничества. Проходы образуются в Пустоши самостоятельно и индивидуально для всякого паломника, чьи мысли кристально чисты. В том и заключается невероятная исключительность этого отрезка суши. Паломник, бродяжа по мирам, возвращается на место медитации опять же по решению Пустоши и вновь приступает к размышлениям. Короче говоря, Ярослав проник в созданный на его пути Пустошью проход, обратился к нему лицом и, скрестив ноги, опустился на землю, собираясь окончательно очиститься духовно. Как вдруг из прохода ему на лицо с боевым кличем «Дядя, я тебя спасу!» выпрыгнула шестилетка.

— А Пустоши, сама понимаешь, только звучат приемлемо. На деле-то там дышать особо нечем и с вершины горы видно, что земля округлая! Я как увидела, так и выпустила ногти и на него верхом вскарабкалась. Он мне эту трусость до сих пор поминает.

Ведьма отставила кофе из страха просто-напросто его пролить и продолжила смеяться.

— В общем, пока он нашел, куда меня вернуть, и я прикипела, и он тоже.

— А бабушка?

— А он жил в поселке по соседству с нами. Дом купил. Бабушка поначалу сгоряча в милицию ходила. Вроде как взрослый мужик к девчонке привязался непонятно с чего. Потом бабушка и сама к нему прикипела, а через четыре года умерла. Мы перебрались сюда. Все, — вновь переключилась на реальность Женя. — Закончили. Сейчас выйдут. Глянь на Цверга.

Маруся последовала совету дочери Агума и не прогадала. На суровом военном челе сияла озабоченность, пока он пересекал приемную. Остальные участники совещания поглядывали в сторону уникальной ведьмы с плохо скрываемым любопытством.

— Маруся, пойдёмте. — Ярослав от дверей кивком указал подчиненной зайти к нему.

— Да. — Руся подскочила и отправилась на ковер к начальству.

— Поздравляю. Ты у нас на постоянной основе.

— Спасибо, — искренне отозвалась ведьма.

— Только к рекомендациям Ликурга придется теперь прислушаться.

— Отправиться к врачевателям?

— Точно так. Лик поможет и проследит, чтоб тебя не дергали ненужные создания. С вопросом не затягивай. Хорошо?

— Хорошо, — слегка расстроившись и обидевшись, проговорила Козлова. Она, конечно, понимала, что Ярославу до ее фобий нет особого дела — это было очевидно с первой встречи. Зато до ее фобий, видимо, дознавались военные. И обоим ее шефам требовалось устранить этот косвенный рычаг давления.

— Ну вот, собственно, и все. Еще раз поздравляю, — улыбнулся Агум.

— Спасибо, — столь же искренне ответила Маруся и отправилась восвояси.

Зверобой задумчиво почесал затылок:

— А с чего «1А» вообще решили, что этот к нам имеет хоть какое-то отношение? Ну, забили его свои же в качестве жертвы богу или магу-поселенцу тогдашнему, да и дело с концом.

— Топором по роже? — Иму потыкал пальцами в перчатке темную сморщенную и все же практически идеально сохранившуюся кожу. — На манекен сдутый похож. Сюрреалистическая картина.

— Да хоть бы и топором. Они в мезолит и не такое творили.

— Почему в мезолит?

— Так, навскидку. По прическе смотрю.

— Ты тут еще и прическу видишь? — Иму с сомнением склонился к черному клоку спутанных грязных волос. — Где? Больно рано мы этого парня у людей забрали. Пушай сами бы и определяли, из какого времени труп.

— «1А» показалась подозрительной печать титанов на украшении, — вмешался подоспевший Ликург. Он развернул на экране увеличенные изображения бронзового браслета. На зеленоватой поверхности отлично проступал рисунок отрубленной головы с открытыми глазами, смотрящими в упор на зрителя. Остальную поверхность браслета украшали простые волнистые линии.

— Вот тебе и мезолит, — тихо проговорил Иму.

— А чего картинки? — не обратил внимания на аниото Зверобой. — Органику нам доверили, значит, а сплав нет?

— А сплав фонит. — Лик краем глаза покосился на часы, прикидывая время окончания совещания по Козловой. — Один из поселковых школьников после соприкосновения с печатью разумом обзавелся пытливым. Разряд скопился за века немалый, так что огорошило парня надолго. Вплоть до старости хватит. В остальном касаний не было прямых, резиновые перчатки спасают людей от большего, нежели они ведают.

— Пытливый разум, изображения волн и срубленной головы — Мимир^[3]. Точно он. Больше некому.

— Вот и в «1А» к тому же выводу пришли.

— Знахарь? — Зверобой обернулся к распростертому на столе сплюсненному за годы

пробытия в торфянике телу.

— Гадать не будем. Подождем Козлову. Она нам и расскажет. Иму, — переключил внимание Эйдолон, — тебе не пора?

— Пора, — с удовольствием проговорил леопард и почти бегом сорвался к двери. — Понадоблюсь — звоните.

Зверобой проводил сослуживца задумчивым взглядом.

— И он галопом поскакал навстречу пухленькой зазнобе.

— Я не знаю, как ты находишь общий язык с Иншушинаком, продолжай и не оступись. — Лик воспользовался тем фактом, что они с чертом остались наедине, а потому все же позволил себе не пропустить замечание подчиненного мимо ушей.

— Секрет прост: дед-то мировой. В этом деле, главное, жене его на глаза не попадаться. А с Марусей теперь эта задача стала раза в два проще. Они с Ишникараб общий язык быстро нашли. Жаль, что тебя отдельно мучили, не увидел, чего она у судей чудила.

— Лучше мне не знать.

— И то верно, — согласился черт. — Это последняя проверка или нас еще дергать будут?

— Для вас последняя. А у меня с Козловой еще будут месяца через два.

— Понятно. Думаешь, мертвеца кто-то из наших приложил?

Именно эту фразу услышала Маруся, входя в кабинет.

— У нас есть мертв... Ой! — Ведьма не сразу заметила передвижной медицинский стол с темной сморщенной фигурой на нем. Не то чтобы он, стол, был слишком незаметным. Дело не в этом. Основную роль сыграла рассеянность Козловой. — Я думала, мы временно вне игры.

— Конечно, вне игры. Будь мы в игре, парень был бы посвежее на тысячу-другую лет, — с усмешкой откликнулся Зверобой.

— Вот о том, что МУП археологам помогает, не знала. Удивили.

Маруся подошла ближе и принялась рассматривать труп. Вообще, на ее взгляд, он был похож на изюминку, огромную такую несъедобную изюминку.

— Ужас, — резюмировала ведьма.

— Так и напишем в отчете? — озорно покосился на шефа Зверобой.

— Именно так, — отмахнулся Лик. Сам он не сводил глаз с Маруси. — Тебя официально утвердили?

Козлова кивнула.

— Хорошо, — удовлетворенно заключил бог. — Тогда давайте, урезанный состав, работать.

— А чего с ним делать-то? — удивилась Руся. — Он человек или создание?

— Я бы не торопился так сильно и начал с вопроса попроще: он это или она.

— И? — вопросительно уставилась на шефа Козлова.

— И это нам скажешь ты, — без тени улыбки ответил Лик.

Марусю только и хватило на озадаченное «ой». Можно, конечно, было попросить подождать Мосвен, кошка ведь наверняка уже сталкивалась с чем-то похожим, однако тут была загвоздка. За прошедшую неделю управление МУП не без давления со стороны военных развернуло полномасштабное разбирательство. Группу не только временно отстранили от работы, но и прогнали по многочисленным властным ступеням. В первую очередь, конечно, досталось Лику, затем Марусе, Зверобой, Иму и Горице и лишь потом

Мосвен и Клеомену. Отчеты, беседы, проверки. Ярослав смягчал удары вполне успешно, однако сократить затраченное сотрудниками время не мог. Короче говоря, Мос, Клеомен, Иму и Гор проведут в суде день, лично общаясь с Иншушинак и Ишникараб, а ждать так долго Лик явно не собирался.

Козлова еще разочек взглянула на шефа. Нет. Точно не собирался.

Протяжно вздохнув, ведьма отставила в сторону метлу, достала из сумочки мешочек с пылью и вытряхнула ее на ладонь.

— У тебя вид не так чтобы очень уверенный, — заметил Зверобой.

— Тонко подметил. Ну ладно. Ждите не скоро.

Руся прикрыла веки и отстранилась от реальности.

Для начала она построила трехмерную модель уцелевших костей. Мос еще во второй рабочий день помогла ей получить доступ к открытым ресурсам сети земельных моргов, за что Руся ей была теперь благодарна особо. Установить полную картину повреждений скелета, мягких тканей, на основе имеющегося материала воссоздать внешний вид умершего, его видовую принадлежность, пол и возраст на момент смерти — задачи на несколько рабочих дней. Однако не в том случае, когда речь идет о царстве белесых ящиков, чье руководство не только получало прекрасное финансирование, но и с умом это финансирование использовало. Стоит хотя бы упомянуть, что второй свободный тратит свои таланты именно там.

— Человек. — Лик задумчиво созерцал результаты, что ведьма выводила по ходу работы на экраны.

Зверобой не стал отвлекаться от поглотившего его занятия.

— Тогда точно мужчина. Такие крупные барышни только у титанов и бывали.

— Ну, не только у титанов. Не надо. Но Маруся и так уверена, что мужчина. На момент смерти ему было сорок — сорок пять лет.

— Иномирных?

— Ну а каких?

— Это же Маруся...

Лик неохотно согласно кивнул. Зверобой скорее всего этого кивка не увидел, что Эйдолона вполне устраивало. Не хотелось думать, будто кто-то еще неплохо разобрался в характере ведьмы.

— Внешность она уже изобразила?

— Пока нет, — откликнулся Ликург. — В процессе. Кстати, увлекательное действо. Не хочешь взглянуть?

— Потом запись гляну. У меня тоже увлекательно.

Зверобой разобрал один из пролетов и усложнил схему развилок в тоннеле из канцелярских принадлежностей, на возведение которого потратил немало времени и все находящееся у себя под руками. Когда закончились свои вещи, черт слегка освободил Марусин стол, а затем и стол Иму. Теперь у его коллекции движущихся машинок была целая автострада.

Лик с секунду понаблюдал за живописной картиной и вновь сосредоточил внимание на работе Маруси. В коридорах МУПа у многих сотрудников был доступ к открытым источникам службы усопших. Мос не раз восстанавливала внешность жертв по останкам, если возникала необходимость, но она никогда не выносила сам процесс на обозрение. А ведь это было поистине увлекательно. Лик бы, наверное, даже назвал его

«завораживающим». Из смятых, раздробленных костей и тканей на экране оживал человек. Смуглый, неказистый на вид, но все же человек. Его мускулистое тело украшали замысловатые татуировки, темные длинные волосы на макушке удерживали кожаные плетеные шнуры.

Эйдолон, увлекшись созерцанием, не сразу обратил внимание на тихую возню за спиной. Поэтому, когда Руся оказалась с ним плечом к плечу, это стало полной неожиданностью. Она ничего не сказала, только увеличила на экране узоры татуировок и вопросительно взглянула на шефа. Лик задумчиво покачал головой. Конечно, он понял вопрос, сам себе его с минуту назад задал.

— Нет знакомой ветки? — на всякий случай уточнил он у подчиненной.

— Если б была, я бы сказала. — Маруся вновь обернулась к экрану. — Но это определенно не совпадение. Вот здесь, — она указала на плечи, где линии складывались в изображение перевернутого корнями вверх дерева, — это символ братства. Но если читать дальше, — теперь Маруся провела пальцами вниз по внутреннему сгибу руки человека к его ладони, — то я в замешательстве.

Лик понимал, о чем идет речь. Хромотипия родов включала в себя фамильную печать — изображение живого создания природы. Если, к примеру, заставить кожу Маруси сиять, то нити на ее руках, ногах и шее сложатся в изображения коз. Нити ее бывшего работодателя покажут лебедя. Все просто. Однако искусственно нанесенные нити умершего человека хранили вид стихии — огонь, и это ставило в тупик. Спасибо, хоть символ братства древней крови легко читался и был знаком.

— Зверобой, — позвал Эйдолон.

— Да, я смотрю уже давно, — отозвался черт из-за своего стола. — И поскольку мыслей у меня не больше ваших, предлагаю спросить у Агума. Он старше дохляка. Что-то, да вспомнит.

«Мне нравится запах твоей крови».

Лои отшвырнул планшет и нервно провел по волосам ладонью.

— Гийом, ты чего? — Жан удивленно рассматривал комиссара.

— Ничего, — отмахнулся Лои.

Больше недели минуло с той фразы, а у него до сих пор она словно выжжена в мозгу. Ни работать, ни жить, ни спать. Гийом и в звериной шкуре стал замечать в себе вспышки неуместной агрессии, чего уж говорить о дневном облике.

— Слушай, только не кидайся, — осторожно начал Жан, — ребята поговаривают, будто тебе отпуск по второму пункту нужен.

Кремер приготовился отражать нападение, и, вполне вероятно, нападение физическое. Второй пункт — краткое и корректное обозначение отпуска по весеннему обострению у созданий с животной ипостасью. Кто любит признаваться, что у него весеннее обострение? Однако, к удивлению Жана, комиссар среагировал вполне сдержанно.

— Ну, пусть утверждают. Меньше слушай.

Лои про себя улыбнулся растерянному выражению на лице альва. Кремер был прав относительно сути нестабильного поведения комиссара, но неверно истолковал частности. Лугару давно смирился с тем, от чего страдает. И кабы предмет его страданий оказался доступен, он бы признал любые пункты независимо от их престижа или формулировки.

— А Маруся больше не появится? — быстро увел диалог в нужное себе русло Жан.

— Я думал, ты отказался от нее.

— Нет. Ну почему отказался. Просто надо побольше пообщаться...

— Я тебя предупрежу, если будет необходимость связаться.

— Отлично. — Довольный результатом беседы Жан вернулся к своей рабочей станции.

Гийом на мгновение подумал о том, что это уже второе создание, которому он обещал внимание Козловой. Затем мысли вновь скользнули к проклявшей его фразе. Не в силах более оставаться на одном месте, Лои заблокировал станцию, убрал в куртку планшет и практически бегом покинул здание жандармерии.

Всемила лежала на полу и бездумно листала лекции.

— Разве так учат? — прошептал над ней вплывший в комнату сквозь приоткрытую дверь Морок. — Чтобы учить, надо хоть немного читать.

Волчица отвлеклась от размышлений и взглянула на деда.

— Я все это уже знаю.

— Другое дело! Согласен, листай дальше. — Властитель тумана улыбнулся, заприметив, сколь его любимица поглощена сердечными муками. Чтоб горячая да гордая простила старику сарказм без какой-нибудь осторожной оговорки? Не бывало такого. Морок присел на пол рядом с плечом волчицы. — И долго ты будешь от братьев скрываться? Рассказать им все равно придется.

Всемила слегка покраснела, прекрасно понимая, о чем ведет речь покровитель. От него мыслей не скроешь. А мысли ее все об одном. Ни учиться, ни жить, ни спать.

— Было бы что рассказывать... Он от меня бегаёт, — еще более смущенно пробормотала девушка, уложив лицо на руки. Обернуться и посмотреть в глаза деду было боязно, все-таки вслух о Лои она говорила впервые.

— Плохо бегаёт. Второй час под окнами торчит, — хитро улыбнулся Морок и бесследно растворился в воздухе.

Всемила словно ошпаренная вскочила и побежала к окну. Там внизу, в лучах солнца блестел ее любимый пруд, по парковым дорожкам прогуливались посетители, на скамейках отдыхали пожилые создания. Только ей не было до всей этой светлой мирной картины дела.

Он лежал на траве в тени старого дуба, чуть поодаль от пешеходных аллей. От внимания случайных прохожих его скрывали зеленые стены декоративного кустарника. К удивлению Всемилы, глаза зверя были закрыты, будто вдруг вздремнуть решил. Она поначалу растерялась от подобного поведения лугару, но мгновение спустя осознала, что может подобным нехитрым везением остаться незамеченной до принятия какого-либо здравого решения. А оно тут бы не помешало. Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Мила еще в кафе поняла, что как-то не слишком обращала внимание на очевидную привлекательность комиссара. Высокий, широкоплечий, гибкий, он обладал идеальной для звериного рода грацией. Не каждый волк мог бы похвастаться его скоростью и силой. Это тогда под дождем она отбивалась, питаемая желанием сбежать, а сейчас при воспоминании о соприкосновении с его телом балправили несколько иные эмоции.

Не удосужившись ни обуться, ни закрыть квартиру, ни хоть мало обдумать свои действия, волчица понеслась вниз, в парк.

Лои услышал ее приближение заранее. Сколько он собирался пролежать так еще, и сам не знал. Хотелось увидеть ее, побыть рядом, только не навязывать свое общество. И ничего более разумного, чем караулить под окнами, лугару не придумал. Хотя он честно закрыл

глаза, не вынуждая ее полагать, будто не дает ей выбора. Захочет — заметит, не захочет — проигнорирует. В конце концов, последнее она делала не раз и всегда вполне успешно. Поэтому когда она не проигнорировала, Гийому понадобилось все его самообладание, чтобы не пошевелиться и не открыть глаз.

— Рабочий день в разгаре? — Серебряная волчица остановилась совсем близко.

— Да, — тихо ответил Лои.

— И что привело комиссара в один из самых тихих районов?

Лои ощутил сладкую томящую боль, от которой по нервным окончаниям распространилось легкое покалывание. Ответ очевиднее некуда, и все же она спросила. Мила обожала играть с ним, хотя в силу юности делала это инстинктивно, нежели осознанно. Но что хуже всего, Лои обожал эту ее власть над собой, он стремился к этой ее власти.

«Сделай со мной что-нибудь».

Волчица издала тихий удивленный, но довольный смешок.

— И что же?

«Не важно».

Она промолчала, а через несколько томительных минут села рядом. Лои все еще не открывал глаз, но отчетливо слышал и чувствовал происходящее вокруг.

Всемила оперлась ладонями о землю по бокам от головы лугару и, склонившись, провела носом по его шее. Лои издал еле слышный протяжный стон. Волчица удовлетворенно улыбнулась. Всего мгновение назад ее одолевали сомнения, теперь же она уверилась в своих силах.

Склонившись к уху своей добровольной жертвы, она прошептала:

— Все, что захочу?

Вместо ответа в его голове пронеслась масса совершенно сумбурных восхитительных обрывков эмоций и мыслей. Кажется, она могла бы приказать ему подняться на крышу высотки, а затем спрыгнуть, и он бы исполнил приказ с болезненным наслаждением. Любое ее желание, лишь бы ее. Теперь волчице стало ясно, чем именно он страшился ее напугать все эти дни.

Лои не осознавал ни себя, ни действительность. Весь его мир стал одной-единственной девушкой, жить без которой сделалось бессмысленно...

— Покажи мне, чего ты хочешь? — От неожиданности Лои задержал дыхание. И прежде чем ему удалось справиться с собой и не позволить ей получить ответ на столь каверзный вопрос, перед глазами успела промелькнуть красочная картина из ночных полубредовых видений, где Всемила ласкает его так, как совсем несвойственно роду волкодлаков. По ее едва уловимому растерянному вздоху Лои понял, что в своей опрометчивости зашел опасно далеко. Пора было уходить.

— Я тебя не отпускала. — От звонкого властного тона лугару вновь застонал, омытый волной блаженного удовольствия.

Мила тихо рассмеялась.

— Так вот как это работает! Ты никуда не пойдешь, пока я не скажу, — тут же опробовала она свою окончательно оформившуюся догадку.

«Не пойду», — услышала она четкий ответ в его мыслях. И было в этом ответе что-то восхитительное. А может, это просто Всемиле самой сделалось восхитительно. Этот сильный красивый волк целиком подвластен ей. А еще он старше и опытнее...

— Я всегда тебе нравилась? — Девичье самолюбие предвкушало сладкий ответ.

— Я ненавижу тебя.

Ответ оказался совсем не сладок.

— За что?! — искренне поразила она.

Лои наконец поднял веки и взглянул затуманенным взором на растерянную девушку.

— За то, что из детской прихоти привязала и выбросила, не освободив.

Ее испуганные, расширенные в немом удивлении глаза лучше всяких слов изложили вопрос.

— Желая доказать братьям свою взрослость, ты втайне от них пришла ко мне. Сколько кругов ты описала вокруг меня, прежде чем отрезала от всех окружающих запахов, кроме своего? Сколько раз ты смотрела в глаза, прежде чем я перестал отводить взгляд?

— Я ведь просто уговаривала, — едва слышно прошептала Мила. — Еще в детстве обратила внимание, что с волками противоположного пола почему-то только так и можно нормально говорить, ну, кроме родных. Ты не соглашался, но я ничего не имела в виду плохого... Ты... Как мне... Я не...

Лои прекрасно понял ее вопрос. Теперь, зная истину, ей бы стоило попытаться узнать, как отпустить привязанного зверя. Однако маленькая эгоистка совсем не желала дать волю. Это желание легко читалось на ее смущенном лице.

— А сейчас? — отважилась она на иной вопрос.

— Что сейчас?

— Сейчас ненавижу?

Гийом нарочито задумчиво отвел глаза в сторону, медленно потянулся и заложил руки за голову. Отвечать он, кажется, и не собирался, что смутило Милу сильнее.

«А ты не спросишь, как отпустить?»

Серебряная волчица вздрогнула и совсем перестала смотреть куда-либо еще помимо своих рук, теребящих подол юбки.

— Как? — Ей вдруг подумалось, что он нарочно добился ее, чтобы затем отомстить, причинив ту же боль, что и она ему.

— В ближайшие часы после того, как привязала, оскалиться, — ответил Лои, — а потом уже бесполезно.

Мила подняла взгляд на его лицо и только теперь заметила немного хитрую, ласковую улыбку.

«Значит, отпустить ты меня не хочешь».

— Нет. А ты не хочешь от меня бегать.

Лои никак не ожидал нападения. Как-то неоправданно расслабился, получая удовольствие от проявившихся в ней эмоций. Когда долго о чем-то мечтаешь, затем, получив, смакуешь неустанно. Слабость, да и только.

— Не хочу.

— А зачем бегаешь? — Мила была полна решимости поставить его на место, туда, где он подчинится ее власти.

Гийом неожиданно сел. Теперь их лица разделяло не больше десяти сантиметров, и выражение его глаз слегка пугало. Волчица никак не ожидала, что он вдруг выйдет из себя.

Он молчал, но Миле вовсе не требовались слова. Там, внутри его головы, словно спущенные с цепи голодные собаки, ожили яркие красочные образы. Эти образы он обернул в кокон собственной уверенности, что главная их участница испугается отведенной ей роли.

И Мила испугалась... в первое мгновение. Затем испуг прошел.

Волкодлаки, рождаясь с территориальным инстинктом и инстинктом первого в стае, отводили своей паре строго ограниченную роль. Самка волкодлака всегда находилась под защитой, но одновременно имела массу табу, оспорить которые означало стать изгоем. Мила не была исключением. Главенствовал Беримир, он и устанавливал границы ее свободы. Затем его место займет самец, которого она изберет в пару. Большого о похожих созданиях волчица не знала, и, как выяснилось, напрасно.

Лугару хоть и оборотень, а совсем иного от нее хотел. Неожиданно иного. Было чудесно осознать, что он ждет ее внимания под окном, и еще более потрясающе видеть свою власть над ним, но то лишь верхушка айсберга. Кабы она сейчас изодрала его, сделав своей дичью, показав, что поймала и он не может и не имеет права уйти, — так удовольствие бы ему доставила несравненное. Она наблюдала как-то пару лугару: тихая, спокойная женщина, не посягающая на права мужа, и вспыльчивый, временами агрессивный мужчина. Кажется, все как у всех волков. Мила и разницы тогда не увидела между своим видом и их. Разве только не в стае живут. Отличий оказалось чуть больше.

— И так всегда? — тут же с энтузиазмом взялась выяснять волчица.

Злость Лои прошла мгновенно.

— Что всегда?

— Ну, в ваших парах так всегда?

— Всегда.

Гийом ожидал чего угодно, но никак не уточняющих вопросов.

— И до конца жизни?

Взгляд Милы излучал живое любопытство. От волнения она немного вперед подалась, так что теперь расстояние между их лицами сократилось еще больше.

— До конца, — осторожно ответил комиссар.

Губы волчицы растянулись в хищной довольной улыбке.

Костя чувствовал себя в этом чудесном удобном кресле, как баран на вертеле. Хозяин кабинета с понимающей улыбкой взглянул на своего не в меру нервного гостя. Жаль, что гостю от этого легче не стало. Косте, как и всякому нормальному созданию, и уж тем более человеку, в присутствии Ярослава делалось неуютно. Если бы его заставили выбирать между Ярославом, внимательно и сурово изучающим что-то в своем планшете, и Ярославом, ласково глядящим в глаза собеседнику, Костя выбрал бы первое. Полцарства за невнимание этого нечеловека.

Конечно, обозначение «нечеловек» было чисто эмоциональным, поскольку внешне Ярослав представлял собой молодежавого седого мужчину, яркого, элегантного, очевидно, не чуждого спорту. Такой окажется во вкусе подавляющего большинства человеческих женщин за тридцать, если бы не одно «но». Во взгляде спокойных темных глаз скрывалась бездна в буквальном смысле.

— Ты не обращай внимания на глаза. Они у всех старцев такие.

— Старцев? — осторожно уточнил Костя, не слишком удивившись, что его мысли стали предметом обсуждения. С местными в принципе удивляться становилось сложнее каждую прожитую минуту.

Ярослав отложил планшет и вновь взглянул в упор на своего гостя.

— Ну, это значит, что некоторые из нас динозавров лично по холке трепали.

Парень незаметно потер ладони о джинсы, обдумывая новую информацию.

— Как самоощущение? — не стал дожидаться ответа старец.

Косте, наверное, впервые за все время задали правильный вопрос. Он пожал плечами.

— Не знаю. Я и понять-то не могу, не то что в словесную форму облечь.

— Неправильно они с тобой. Давай так: пока пристальное внимание Трикуписа отложим, походишь со мной, поглядишь что к чему, пообвыкнешься. Я на вопросы поотвечаю, а потом уже сядешь за учебники. Как предложение?

— И какая лично вам выгода?

— Лично мне — большая, — спокойно проговорил Ярослав. — Ты парень у нас особенный, подающий большие надежды, а я дальновидный работодатель.

— И все? — Костя приподнял брови, выказывая искреннее недоверие.

— И все. Или ты хотел услышать что-то вроде: я великий и всемогущий, я играю судьбами мира, мне скучно, а ты такой новый плюшевый мишка.

— Ну...

— Так согласен?

— А если нет?

Ярослав тяжело вздохнул, словно уже разочаровываться начал в потенциальном кадре.

— Тут уже твоя воля. У нас силой никто не тянет. Поступай как видится.

Костя представил, как выходит из кабинета и вновь попадает в ручки деда-полевика^[4], буквально помешанного на человеческой расе. Мыслями завладело уныние. Уж лучше в местном Интерполе торчать, чем от Трикуписа наставления слушать. Говорили на комиссии, что дадут лучшего педагога. Лучшего и дали, но вот что он убитый на всю седую голову, не предупредили. Костя с ним меньше недели мучается, а жалеть начал о решении приобщиться к культуре нового мира. Жить, игнорируя целую реальную параллельную Вселенную, оказалось ничуть не сложнее, чем снести тяготы изучения новых основ жизни в этой Вселенной с нуля.

— Только защитника моего в известность поставьте.

— Поставил уже. Без его согласия эта встреча не могла состояться.

— Быстро вы, — рассеянно отметил Костя.

— Не отнять. Женя! — Последнее обращение Ярослав выкрикнул так, что посетитель^[4] буквально вжался в кресло от неожиданности.

Дверь кабинета запахнулась, и на пороге появилась миловидная русая девушка. Забранные волосы, строгий черный костюм, суровое выражение лица — все выдавало в ней добросовестного секретаря. Разве только молодость слегка портила классический образ. Косте девушка показалась ровесницей.

— Ярослав Сергеевич, в стол встроена панель, на панели кнопочка вызова...

— Ты же меня и так слышишь, — возразил руководитель.

— Я-то слышу, но посетителям, думаю, не слишком приятно.

Ярослав только рукой махнул в ее сторону.

— Доверяю тебе важного гостя, сделай ему пропуск. С нами пока пообитает, осмотрится, поразмыслит на судьбоносные темы.

Женя кивнула начальнику, затем выжидательно взглянула на Костю.

— Да, да, — пробормотал парень и, выбравшись из своего ненадежного убежища, направился к выходу. Даже выйти почти успел. Почти...

— Женя, доброго дня. Мы к шефу, — на ходу строго проговорил Лик. — Здравствуй.

Костя не сразу сообразил, что «здравствуй» относилось к нему. Он как застыл на пороге, так и остался стоять, пока мимо него не протиснулись четверо: Лик, киборг, черт и неведомая сморщенная ерунда на воздухоплавательной каталке.

— Чем обязан?

Ярослав с любопытством осматривал труп.

Бог убедился, что дверь кабинета наконец закрылась за спинами молодых людей, и лишь тогда заговорил.

Костя одновременно делал несколько вещей. Во-первых, прислушивался к неразборчивому бормотанию в кабинете. Во-вторых, старался не глотать слишком громко любезно предложенный чай. Шумное проглатывание жидкости — такая же проблема, как урчание в животе посреди пары. В самые неподходящие моменты приходит. Ну и, в-третьих, отчаянно старался не таращиться на секретаршу, которая пока не проронила ни слова. Она даже чашку с напитком перед ним поставила без вопросов.

— Красивый цвет. — Костя кивнул на ярко-синие ногти девушки. — Свой?

Женя отвлеклась от заполнения анкеты на временный допуск и оторопело уставилась сначала на свои ногти, затем на гостя, который ей для надежности указал на тему своего вопроса повторным кивком. С ней по-всякому заигрывали, но чтоб вот так... это впервые.

— Судя по взгляду, либо цвет свой, и вообще про такое спрашивать неприлично. Либо цвет совсем не свой и быть своим не может, — самостоятельно определил ответ гость.

— Ой, не подумала. Извини, — улыбнулась Женя, сообразив, в чем подвох. — Это краска, самый обычный земной лак для ногтей. Я человек.

— О! — от всей души обрадовался Костя. — Я тоже. Профессор вроде твердил, что тут нет людей.

Девушка подперла щеку кулаком и так ласково, забавно засмеялась.

— Человек, говоришь?

— Ну... Почти, — смутился Ивченко, вспомнив, по какой причине вообще узнал о существовании параллельной Вселенной. — А как тебя сюда занесло?

Женя сощурилась. Парень явно не слишком отличает, что стоит говорить или спросить, а чего не стоит. Ярослав через неделю будет скрежетать зубами.

— Девушки нет любимой?

— Не-а, — не уловил подоплеку вопроса Костя. — Не сложилось как-то.

— С легендой для родных нет проблем? — перешла Женя к необходимым вопросам. Раз парень намеков не понимает, не стоило на него давить. Мало ли. Быть может, он под влиянием стресса стал невосприимчив, а минует первый шок — вернется чувство такта. В жизни всякое бывает.

— Не-а, — не удивил формулировкой ответа Костя. — Слушай, а можно вопрос не по теме вообще?

— Ну давай. — Женя готова была рассмеяться. Отчего, правда, и сама толком не знала. Забавный он, этот юный леший-человек. Может, возраст спросит или на свидание пригласит.

— Я не понял всю эту канитель про ангелов и демонов. Трикупис что-то неясное пробурчал, и все. А я знать хочу. Ну там про бога единого и всякое такое.

Или и вправду вопрос не по теме задаст. Женя даже расстроилась немного. Обычно представители противоположного пола ею интересуются больше, чем историей.

— Единый, он был, — не отрываясь от экрана, начала Женя. — Тебе говорили про пять

игроков?

— Да.

— Ну вот. Если вкратце, то этот пятый. Когда-то давно он удалился из мира нашего погулять по вашему. Погулял, детей, сторонников, почитателей, знахарей нажил и снова удалился. На этот раз в неизвестном направлении.

— А ангелы?

— А ангелы — общее название сторонников из созданий.

— А демоны?

— Все остальные создания.

— Все остальные... Разве черти и демоны не одно и то же? — искренне озадачился

Костя.

— Провидение убереги! Нет, конечно. Если бы все черти демонами стали — конец жизни в обоих мирах. Демоны — людское название всякого создания-угнетателя, будь то черт, русалка, бог, маг или оборотень. Наша братия в те годы чего только не вытворяла в Иномирье. Дай волю бесстыднику, и он резвиться станет в меру своей бесстыдности. Силы-то неравные.

— И теперь он, этот пятый, неизвестно где?

— Теперь так. Люди оказались такими же. Чего только под видом его идей не творили, да и до сих пор творят.

— Понятно.

— Ты, кстати, теперь формально тоже демон, если исходить из этой теории.

— Радость-то какая. — Костя задумчиво потер затылок. — А ангелы с ним ушли?

— Большая мировая загадка. Он их наделял силой, так что эти создания от подобных себе отличались не только взглядами. Все пропали, ни свидетельств, ни хроник. Были, и нет.

— Может, они и не выжили?

— Вот не знаю, и не интересно мне. — Женя оторвалась от монитора, в голосе ее послышалось легкое раздражение. — Лучше руку дай.

— Зачем?

— Пропуск поставлю.

Костя понял, что терпение собеседницы исчерпал, так что руку протянул быстро, невзирая на страх.

— Ладонью вниз и рукав закатай, — продолжила командовать Женя. — Не дергайся. Резать и вживлять ничего не собираюсь.

Несмотря на предупреждение, Костя дернулся, когда чуть выше запястья ему вдруг приспособлением, похожим на толстую шариковую ручку, нанесли оранжевый рисунок.

— Все. — Женя убрала чудо-прибор в ящик своего стола и отпустила руку Кости. — Можешь дышать. Конечность уцелела.

Парень не обратил внимания на сарказм. Его полностью увлек овальный замысловатый узор из точек, черточек и завитков, красовавшийся на коже в качестве своеобразной татуировки.

— Теперь в любой непонятной ситуации свети этим документом.

— У тебя такой же?

— У постоянных сотрудников прозрачные и процесс нанесения сложнее.

Пока Женя занималась оформлением нового подопечного отца, сам Ярослав в кабинете задумчиво изучал другую татуировку. При этом он мгновенно понял, с чем столкнулся, но

вместо озвучивания догадок углубился в размышления.

— Ну что ж, мальчики и девочки, знакомьтесь, — наконец спокойно, практически равнодушно произнес Ярослав. — Нефилим собственной персоной.

— Да? — Зверобой склонился над каталкой. — Надо же.

— А кольцо?

Маруся взглянула на Лика, взявшего нужное ему направление. Ярослав только плечами пожал.

— Никто не завещал им хранить круг отца. Дело добровольное.

— Он огнем управлял? — предположила Козлова.

— Скорее заклинал, — махнул рукой Атум. — Обычные знахари. Физически только превосходили людей да жили больше столетия.

— Никакого нашего маниту^[5], — подсказал Лик. — Наполнение полностью иномирное. Тогда рановато он концы отдал для своего вида.

— Сорок лет из положенных средних ста двадцати. М-да... Я б на его месте расстроился. — Зверобой засунул руки в карманы брюк. — И, змий меня задери, никогда не стал бы повторять Иму, однако, учитывая род парня, отверстие от топора действительно смущает.

Маруся не знала, что там говорил без нее аниото, но со Зверобоем она была согласна. Нефилим от рода был знахарем. Сила его исходила не от него самого, а окружала его словно панцирем. В рубашке родился — это о них. Даже спящий нефилим не мог быть убит. Его обходили болезни. Смерть наступала только за порогом ста десяти, когда панцирь начинал истощаться. А у этого посреди лица рана чудовищная.

— Порешила его не рука человека, — подытожил Лик, тяжело вздохнув.

— Потрясающе! — Черт, словно вторя шефу, легко постучал носом ботинка об пол.

— Вот сейчас не поняла, — прошептала Руся, вопросительно глядя на единственное спокойное создание в кабинете, на Ярослава.

Атум ласково улыбнулся:

— Срока давности в подобных случаях нет, поскольку некоторые из нас живут неприлично долго. Не найдете хозяина руки с топором, а вы его вряд ли найдете, будет плюс одно открытое дело за душой.

— У нас уже есть открытые? — удивилась Козлова.

Зверобой рассмеялся. Лик устало покачал головой.

— Что? — не поняла ведьма.

— Идите, пока она еще чего не лягнула. — Ярослав осторожно подтолкнул каталку к выходу. — Лучше мне в свете последних событий пока некоторых вещей о ней не знать.

— Солнышко наше бесценное, — склонился к уху Руси Зверобой, когда они ступили за порог кабинета, — тебе Мос дала в начале первой недели документацию. Ты ее открывала?

— Открывала, — кивнула Маруся, чувствуя, как кровь приливает к щекам, а в приемной становится чуточку душно.

— А читала? — Черта уже просто забавлял диалог сам по себе.

— Не-эт, — предельно честно и нагло созналась Козлова, усилием воли погасив приступ стыда.

— Надо бы прочесть.

— Я уже к тому же выводу пришла.

— Какой план? — обратился Зверобой к шефу.

— Ты сдаешь нефилима под опеку шестого и с результатами Маруси отправляешься к археологам. Все под неразглашение. А мы выясним насчет браслета.

Черт на мгновение удивленно взглянул на Лика, затем прищурился, лукаво улыбнулся Русе и в компании нефилима отправился исполнять поручение.

Маруся проводила коллегу задумчивым взглядом, затем, спохватившись, побежала вслед за шефом. Он конечно же ожидать подчиненную не собирался и уже успел дойти до подъемников, на ходу заказывая документы.

— Мы куда?

— В гости к моему другу.

К сожалению, это все, что он сказал, а спрашивать подробнее Руся не отважилась. Шеф все-таки, к тому же она снова сглупила с этими открытыми делами. Кто ж знал?

Через полчаса они уже проходили контроль в телепорту, а еще через полчаса стояли перед внушительного вида замком, а если точнее — форнборгом. Округлые каменные стены с жалким подобием окон, покатые крыши, ров...

— Гостеприимненько. — Руся поправила сумочку на плече и опасно заглянула за край обрыва. В воде, что заполняла каналы под древними неприступными стенами, вполне могло водиться что-нибудь плотоядное.

— Ты идешь? — окликнул подчиненную Лик.

Козлова только тогда заметила, что в воротах открылась маленькая калитка, а через ров протянулся узкий мост. Все произошло беззвучно и быстро. Ну а Руся современной технике в беззвучности и скорости проиграла. По узкому прозрачному мосту без перил она шла далеко не тихо и не быстро.

— Это что? — Хозяин дома с любопытством натуралиста рассматривал надвигающуюся гостью.

— Это моя новая сотрудница. — Лик тоже наблюдал за Козловой, правда, по большей части с опасением. — У тебя там внизу плавает кто?

— Рыбки. — Локи скрестил руки на груди. Внимание друга к новоявленной барышне уловить было несложно.

— Безобидные?

— Не очень.

На середине моста ведьма неодобрительно оглядела двоих мужчин, что, стоя бок о бок, сосредоточенно наблюдали за ее телодвижениями.

— Сильно ценная подчиненная?

— Ты ее зарплату не видел. — Лик чуть дернулся, когда Маруся, дойдя до конца, все же умудрилась споткнуться.

— Осторожнее, — невозмутимо произнес Локи и исчез в калитке.

Козлова стусевалась. Вообще не часто хозяева удаляются до того, как им представят гостя. Этот удалился. Она вопросительно взглянула на шефа. Лик только рукой махнул, чтоб ведьма вперед проходила.

Внутренний двор представлял собой очаровательный ухоженный сад с несколькими все такими же невеселыми и внушительными строениями. От внешних стен их отличали лишь окна нормальные, в остальном все, как водится, в достойном укреплении. К счастью для Руси, в помещение идти не пришлось. Гостей проводили к изящной летней беседке.

— Ульв^[6], — невысокая блондинка встретила Лика радостным восклицанием, — чем тебя угощать?

— Чем найдется, — искренне заулыбался бог в ответ.

— А это кто? — обратила хозяйка взор на его спутницу.

— Маруся, новый мой сотрудник.

— Добрый день. — Козлова заворуженно смотрела в зеленые глаза женщины и фразу выдавила с трудом. Красивая — это, пожалуй, самый ничтожный эпитет, которым можно было бы охарактеризовать хозяйку. Потрясающая, невероятная... Как порой в нетрезвом виде говаривала баба Беря, «была б парнем, влюбилась бы без памяти». Правда, она это своему отражению говаривала, но не суть важно.

— Рада знакомству, Маруся, — заулыбалась Сигюн^[7].

В том, что это была именно Сигюн, у Козловой сомнений не осталось. Лицом прекрасна и имя шефа в «Ульв» переименовала, выдав свой родной язык. Впрочем, факт знакомства с богиней — ерунда в сравнении с личностью ее мужа. Кабы Руся знала, что начальство потянет ее в чертог к Локи, вприпрыжку поскакала бы за Зверобоем. Локи — создание вполне предсказуемое: найдет у нее какой порок, и все... поминай как звали. Говорят, он до сих пор в Иномирье над людьми шутит, только правда это или нет, неизвестно — никто не поймал. Он сам себе и закон, и порядок, и справедливость.

— Ты ко мне не просто так.

— Нет, конечно, — не стал спорить Лик. — Я перед твоими из старого Асгарда светиться не хочу. Мозги промуют, сказать ничего толком не скажут, еще и в расследование кого-нибудь впихнут наблюдателем.

— Так я тоже любопытства ради могу влезть. — Локи проследил за женой, которая взмахом руки организовала в беседке прохладительные напитки.

— Ты — без проблем. Любой другой Гюд — уволь.

— Смотри. Я предупредил.

— Памятуя прошлые случаи, я сам тебя втяну, — рассмеялся Лик, и Локи вторил ему: — Маруся, покажи обе находки.

Руся, которая в этот момент самозабвенно наслаждалась вкусом домашнего лимонада со льдом, поперхнулась. Она, конечно, ожидала, что ее будут использовать как передвижной кинотеатр, но предполагала, что кинотеатр понадобится на десяток минут попозже после общих объяснений или хотя бы вводного слова. Ведьма выдавила сиплое «секунду», откашлялась и полезла в сумочку за пылью.

— Ну, что думаешь?

— Забавная игрушка. — Локи поднялся над землей к лицу Козловой и заглянул в покрытые пленкой глаза. — Она не видит?

— Нет.

— А слышит?

— Зависит от нагрузки. Так что скажешь по делу?

Лик краем глаза следил за реакцией Сигюн. Она была словно чистая призма, через которую можно было смотреть на ее мужа. Если богиня спокойна, значит, и Локи не замышляет ничего, но если она приглядывается или насторожена — стало быть, супруг ее любопытствует. А когда Локи проявляет любопытство, жди приключений. Сейчас на лице Сигюн читалось умиротворение — четвертая свободная не скрывала в душе никаких истинных пороков, кои мог бы обернуть против нее старый хитрец.

— По делу? — Локи перестал парить. — Нефилимов встречал не раз. Жрецы, ведуны, ведьмаки, волхвы — вера была не важна, они в любой вере добирались до корней, уходящих в

наш мир. Этого парня не знаю, а вот символ огня на нем звался «небесный». Сложный рисунок и очень точный до определенного момента.

— Твой?

— Нет. Не мой. — Локи отмахнулся. — У меня намного сложнее. До определенного момента, я же сказал. Твой нефилим, видимо, создавал некий собственный магический род. «Братство крови» точно воспроизвел, а дальше не персонификация животного мира, а замах на природную стихию. Места своего в мировом укладе он явно не ведал. Зато браслет хорошо знаю. Мимир такие в награду отшельникам давал.

— В награду за что?

— За стойкость в желании познать истину всего сущего. Браслеты были именные и силу свою теряли со смертью владельца.

— На этом имени я не нашел.

— А ты и не найдешь, зато я могу. Дай только подержать в руках. — Локи чуть нахмурился, неотрывно изучая изображения бронзового украшения.

— Если бы я сам мог подержать. Или хотя бы через стекло поглазеть. Кто б мне дал еще. — Лик виновато развел руки.

— Ладно-ладно, — как ни в чем не бывало продолжил Гюд, — тогда работаем с имеющимся материалом. Помимо именных Мимир ваял и вечные. На пару тысячелетий силы такой игрушки точно хватило бы плюс-минус, затем подзарядить в колодце мудрости и снова смело кидай браслет в дело.

— И кому такие шли?

— Официально есть лишь один такой браслет. Принадлежит Одину.

— А неофициально?

— А неофициально у нас перед глазами.

— То есть ты не знаешь?

— Откуда? — Локи заулыбался.

Маруся, к тому моменту закончившая показательные выступления, вернулась в реальность и как раз угодила на эту улыбку. Как быть обаятельным, Гюд знал не понаслышке. От Козловой не ускользнули и еще две вещи. Во-первых, Локи был удивительно не похож на предания о себе самом, во-вторых, Сигюн откровенно им любовалась.

— Жаль. — Лик принял из рук друга планшет. — Еще что-нибудь сказать можешь?

Гюд только плечами пожал.

— Дай мне еще детали, и может, что увижу.

— Я свяжусь.

— Уже уходите? — опередила мужа Сигюн.

— Работа. — Лик выглядел искренне виноватым.

Он кивнул Козловой. Руся поняла приказ без слов и, как только шеф устремился к выходу, поспешила за ним следом. Недолгое выдалось знакомство, хотя для ведьмы и весьма значимое. Асгард — закрытый город. Старые представители рода — создания своевольные, упрямые, конфликтные, и познакомиться с одним из них уже событие всей жизни.

Не желая задерживаться, обратно через мост Лик провел подчиненную за руку, за что она, судя по выражению лица, была ему благодарна. Женщине порой для счастья много не надо: испугай и спаси — беспроигрышная схема.

— Так что насч... — Договорить Маруся не сумела, поскольку Лик вновь жестом подсказал ей помалкивать. Прежде от подобного отношения она бы взбесилась и вполне

могла опуститься до мелкой мести, но сейчас ведьма, лишь сощурившись, взгляделась в профиль руководителя. Он не из гильдии женоненавистников или лелеющих личное эго начальников, просьба молчать могла относиться лишь к рабочему моменту. А единственным рабочим моментом в этой глуши была неприступная крепость позади.

— Так что, у этой крепости есть купол? — мгновенно схитрила она, желая спустить на тормозах свою заминку и не указать при этом на явный приказ шефа молчать.

Лик и бровью не повел.

— Честно говоря, не спрашивал никогда. Но это же род Гюд, у них оружие и щиты везде, где только возможно их уложить, применить и спрятать.

— Я об этом не подумала.

Маруся вернулась мыслями к прошедшему диалогу. Теперь, анализируя некоторые моменты, она обнаруживала очевидные странности. К примеру, Локи определил браслет как вечный, но до того просил подержать в руках, обещая прочесть имя временного получателя. Да и Лик тоже хорош. Браслет ему в руки брать никакого явного запрета не поступало, а значит, отговорку он придумал просто на ходу, и не слишком тонкую отговорку. Вывод напрашивался единственный. Лик понял, что Локи врет, и соврал в ответ, а Локи понял, что врет Лик, и спокойно перешел к дальнейшему изложению фактов реальных. «Дружбой» такие взаимоотношения Руся бы не назвала. Впрочем, это ведь мужчины. Всего в тонкостях их характеров и поступков женщине все равно понять не дано, может быть, только к старости. Слишком уж странный этот зверь, мужская логика. Бабуля всегда заклинала: «Не пытайся примерять на себя, просто прими данность, мужики могут сдружиться, набив друг другу рожи по пьяни». У Локи с Ликом, видимо, схожий прецедент.

И возвращаясь к Гюду, вполне вероятно, что он соврал и насчет личности нефилима.

Возобновить свои вопросы Маруся отважилась только в телепорту. На этот раз Лик среагировал благожелательно.

— Нет. Локи действительно трикстер^[8], но как любой трикстер он склонен избирать круг доверия. Если б он хотел меня реально обмануть с браслетом, он бы это сделал, а так просто по-дружески схулиганил. Он без шуток не может.

— Странная шутка, — не удержалась от тихого комментария ведьма.

Шеф улыбнулся:

— У каждого свой юмор. Если б он знал нефилима, он бы намекнул.

— Что теперь?

— Теперь вернемся и подождем, что выяснит Зверобой.

— Вот красота из красот.

Лик удивленно улыбнулся реакции Маруси на доставленный к нему в кабинет спецкурьером браслет. Раньше Козлова не проявляла столь эмоциональных эстетических предпочтений. Он, конечно, давно заметил среди ее украшений раритетное кольцо, но не придавал этому факту особого значения. У многих древних родов есть свои вещи и вещицы, переходящие от поколения к поколению. Привычное, каждодневное, а потому ожидать от наследника осознанного понимания ценности родовых предметов приходится крайне редко.

— Кто же такое выбрасывает с трупом в болото? Кошунство немыслимое! — продолжала ворковать ведьма, постукивая ноготком по стеклу защитного куба.

— А вот это, кстати, мысль, — оторвался от размышлений Лик. — Бронза чем-то необычным не являлась, зато сам браслет бесценен. Кто додумался не забрать оплот

величайшей и к тому же неизменной мудрости? Если и убивать нефилима, то только ради такой вот игрушки в первую очередь.

— Так может, нельзя было забрать совсем или, к примеру, на тот момент не дали забрать, — предположила Руся. Она еще раз постучала по стеклу. Старый Вукола убил бы за такую великолепность.

— Даже если не дали сразу, можно было вернуться и снять. Создание — не человек, у созданий преград мало. Только если браслет на знахаря не надели после.

— После? В смысле после убийства? — Маруся на мгновение задумалась и наконец обратила внимание на шефа. — Вывод логичный, но мутный.

Лик недовольно нахмурился последним словам ведьмы. Без году неделя, а оспаривает его выводы. Только сомневаться в ней перестал, характеристику дал отличную, а она... Выскочкой была, выскочкой и остается.

— Вывод большей вероятности. А без мутности не выйдет, труп на чернослив похож.

— На изюм, — безо всяких возражений или колебаний поправила Козлова. — Изюм коричневый, чернослив темно-синий.

— И теперь из-за тебя я не смогу есть ни то ни другое. — Эйдолона передернуло.

Маруся удивленно подняла брови:

— А до моих слов нормально было?

— А до твоих слов я не сравнивал визуально фрукты с трупом, только труп с фруктами. Это разные вещи. Барьеры же в наших головах надо понимать. Не все такие небрежливые, как вы, мадам.

Козлова фыркнула, однако вопреки ожиданиям Эйдолона продолжать спор не стала и «мадам» не исправила, только спросила:

— Зачем?

— Откуда мне знать — зачем. — Лик вздохнул и уставился на проплывающие за прозрачной стеной ватные облака. — Свидетелей нет, вскрыть его не разрешат, из личных вещей шнурок да браслет. И нефилимов давно нет уже.

Ведьма рассеянно подумала, что шеф удивительным образом понял, к какой части их прежнего диалога относился ее вопрос «зачем», но потом, после слов о потере нефилимов, она и думать позабыла обо всем на свете.

— Почему нет? Дед Куля говорил, что лично встречал живого полуангела.

Ликург прекратил созерцательные упражнения.

— Дед Куля?

— Ну да, — кивнула с готовностью Козлова. — Он был влюблен в бабулю, я к нему до сих пор в гости летаю.

— Звони ему. Предупреди, что мы скоро будем.

— Позвонить не выйдет. Он у нас отшельник, сам, когда надо, вызывает, а извне не пробиться.

— Я сдам браслет, а ты выездные документы составь. Чем быстрее побеседуем с твоим дедом, тем лучше.

— Есть, шеф. — Маруся пожалала плечами, развернулась и выскочила из кабинета, размышляя на ходу о том, как воспримет незваного гостя змий-отшельник. Честно говоря, Руся предполагала, что не очень. В конце концов, на то и отшельник, чтоб гостей к себе не ждать. Только это ее «не очень» не пошло ни в какое сравнение с реальностью.

— Эйдолона?! В мой дом?! — голосил дед Куля, изрыгая горячую смесь на голову

неизвестно чем провинившегося бога. Бог в свою очередь скакал по приусадебному участку, словно заяц, стараясь увернуться от легковоспламеняющейся слюны дракона.

— Дедуля, да чем же он не угодил? — Руся в целом не пыталась остановить Кулю. Когда боги и драконы берутся спорить — драться или дружить, созданиям не столь глобальным стоит держаться слегка в стороне. Вмешательство Козловой обуславливалось только одним моментом: помешать поджечь шефа ведьма посчитала своей должностной обязанностью. А так, по-хорошему, ей бы помалкивать.

— Сколько крови! Сколько крови! Род этот пролил сколько! — Теперь дед старался выбить искры из чешуи на тыльной стороне ладони аккуратно на неудобного гостя.

— Его зовут Ликург, и крови он не проливал! Он людей защищает. Кто мне говорил, что дитя за родителя не в ответе?

Вукола издал протяжный булькающий рык и остановился.

— Так уж прям не проливал. — Саркастичные нотки промелькнули в голосе змия. Лик, который остановился в паре метров от хозяина дома, спрятавшись за стволом старого дуба, перевел дыхание.

— А ну выйди, я погляжу.

Эйдолон осторожно выглянул.

Змий старчески сощурился, а спустя секунду взревел с новой силой:

— Как же не проливал? Вон она! Вижу на нем! Ах ты...

Маруся с ужасом поняла, что сейчас узреет деда Кулю за его истинным призванием — уничтожением сущего зла. За свою пока еще короткую жизнь и личное общение с ласковым и безобидным древним созданием она как-то позабыла, что это древнее создание заканчивало войны и стирало с планеты поселения. Все как легенды воспринимала, да и не более, наивная душа.

Что есть мочи Козлова побежала к дубу, где готовился в бою принять неминуемую смерть ее все же в чем-то повинный шеф.

Лик освободился от серой маски, готовясь к сражению, как вдруг и его внимание, и внимание змия привлекла несущаяся с противоположной стороны двора ведьма. Она размахивала руками и истошно вопила:

— Деда, я его люблю! Не смей! Люблю его! Живого люблю! Очень живого!

Чешуйки на теле «деда» пригладились, хвост перестал двигаться, выбивая каждым ударом о землю искры.

— Его? Любишь?

— Очень! — подобострастно выдохнула Козлова, оказавшись рядом с шефом, и для верности головой кивнула.

Змий дважды дернул носом и презрительно уставился на возлюбленного «внучки».

— А ты?

Лик было подумал сказать, что он себя живого тоже очень любит, но быстро отказался от мысли шутить в подобной ситуации. Вместо этого скопировал жест и интонацию подчиненной:

— Очень!

— Как-то с заминкой он это сказал.

— Конечно, с заминкой, — тут же взяла змия за рога ведьма. — Ты же вон какой страшный, а он, между прочим, гордый, мой шеф, и он мне «люблю» должен говорить, а не тебе. Вот если бы ты девушку любил, — продолжая бормотать, Руся обняла деда, развернула

его на сто восемьдесят градусов и потянула к дому, — как бы тебе понравилось признаться с ходу не ей, а ее родственнику? Хотя и любимому родственнику, но сам-то ты...

— Ой, не трещи, лисица, — прервал ведьму змий. — Я понял, все понял. Но если он тебя обидит...

— Не обидит, — перебила Руся своего защитника. — Дедуль, мы к тебе по важному делу. Тут в Иномирье, значит, труп нашли. Туда-сюда... местные его общупали прежде, чем к нам попал. Труп нефилимом оказался и с браслетиком...

Лик спрятал божественность и теперь тихо шел следом за хозяином и его любимицей. Ему и раньше жизнь спасали, но чтоб вот так — это впервые. И нет бы предупредила, что дед Куля — тот самый Вукола, легенда мировой истории. Как-то так опрометчиво было позабыть, что работа идет в паре с Марусей. Все не как у других. То доверия от нее не добиться, то теперь добился, да так, что она полагается будто на себя. Он по умолчанию должен все детали ее планов знать.

Эйдолон сердито выдохнул.

— А?! — с явной агрессией начал оборачиваться Вукола.

— Деда! Ты меня не слушаешь? Совсем?

— Слушаю-слушаю, — вернулся к недовольному игнорированию незваного гостя змий, — но в дом не пущу. На веранде сядем.

Эйдолону подумалось о второй веранде за день, впрочем, заходить в гнездо он бы и сам не стал в здравом уме. Там что не так тронь, и огонь обеспечен в буквальном смысле.

— Коли слушал, тогда глянь картиночки.

— Гляну. — Вукола задумчиво покосился на внучку, а затем и на ее спутника немного оглянулся.

Знал огнедышащий, что день этот настанет, когда ведьма свою судьбу встретит, но как-то и сам Куля, и Беря ставку на мага делали, очень сильного, но все ж таки мага. А тут неожиданность... Бог. Беря, бесстыдница, уже конечно же в курсе, но не предупредила. Вукола неодобрительно нахмурился. Знала старая ведьма, что из самого кровавого рода, знала, что и на нем жизни есть, оттого промолчала.

Шута змий, в силу возраста и сути маниту, тоже сейчас видел. И тот не вышагивал незримо следом за Русей, как обычно, а обращенный в белесоватое облако тумана скользил подле левого плеча бога. Это зрелище и спасло светящегося божка от мгновенной смерти. Не так стар змий, чтоб не испепелить в мгновение ока урожденное зло.

Про любовь Маруська, шельма, наврала, но и от сути далеко не ушла: границы между «влюбленными» не было. Божок сам отчего-то пролез к ней и Шута ее в оковы себе заключил. Только не по уму заключил, а интуитивно, как любой бог всякую ментальную помеху в сеть за плечо себе закидывает. Знахари в Иномирье в древние времена оттого и решали, будто бы божки в облаках обитают, что сети эти подле своих идолов за облака принимали.

Лик бессловесной тенью проскользнул в великолепную, овитую виноградом беседку. У него уже назрела пара замечаний по поводу изложения Марусей деталей расследования, но озвучить их Эйдолон не отважился. Змий то и дело сверлил его недобрый взглядом. Подавать голос в подобной ситуации — прямой путь к самоубийству. Оставалось одно: сидеть и тихонечко надеяться, что ведьма ни о чем не забудет в ходе беседы.

— Диду, — звонким голосом начала Козлова, стоило всем троим расположиться на простой деревянной лавке, — я тебе сейчас все покажу, но только прежде обещаю моего

шефа не трогать и не жечь, пока я не вижу.

— Пока ты не видишь — обещаю.

— Хорошо, — кивнула ведьма.

Лик слегка поежился. Как-то уж чересчур она легкомысленна была в отношении древнего. И точно. Стоило серебряной пленке глаза ее затянуть, как Вукола подарил богу «ласковую» улыбку в два ряда острых конусовидных зубов.

— Трусись? Коленки слабеют?

Эйдолон открыто взглянул в глаза змия.

— Вы что-нибудь знаете о нефилимах или других наших, стремящихся создать иного толка род на основе братства крови и общих знаниях о небесных символах?

Вукола сморщился и с тихим ворчанием перевел взгляд на полупрозрачные экраны, созданные Марусей, где в подробностях воспроизводились все известные о найденных останках сведения.

— Что вот так прямо от древнего ответа ждешь?

— Я вообще ни от кого никогда ответа не жду. Я спрашиваю, а отвечать или нет — выбор собеседника.

— Как нынче все свободно-то стало. И чего ж ты, божок, на эдакой работе забыл? Ваш брат не больно любит подчиняться. Все управлять да управлять да манипулировать.

Вот что Ликург ненавидел более всего, так это попытки проникнуть в его личную жизнь.

— Значит, не знаете?

— Чего не знаю? — Дед Куля проследил взглядом за пчелой, решившей поискать посадочное место аккурат на его носу.

— Про нефилима и символы.

— Почему не знаю. Знаю. — Змий фыркнул и потряс головой. — Только сначала ты мне, а потом я тебе.

Лик не удержался от протяжного вздоха. Сама странная, бабуля еще более странная, теперь вот вроде не единокровный древний, и тот странный. Дальше узнавать окружение Маруси не хотелось.

— Ну? — Вукола меж тем игрался с изображениями и видео. — Так чего тебя в Интерпол понесло?

— В семье не без уроды.

Дед Куля захохотал неожиданно и на удивление по-доброму.

— Достойный ответ. Ладен будь. Еще вопрос: с Шутом что делать собрался?

— С каким Шутом? — не совсем понял Эйдолон.

— У-у-у, ты, я погляжу, совсем в мага заигрался. Ну-ка глазки просвети и через плечо глянь.

Ликург последовал совету змия. Каково же было его удивление, когда на указанном месте обнаружилось обессиленное полупрозрачное облако.

— Ты, видать, родовитый, раз силен настолько, чтоб Шута, не гляючи, за спину завести. Не мешает груз чужой?

Бог пожал плечами. Он и не чувствовал никакого груза. Ему и без паразитов глупых проблем в жизни хватает, чтоб еще внимание обращать на ерунду всякую.

Вукола скрыл удивление. Теперь понятно, чего Береслава помалкивала. Старая лисица суть произошедших перемен с Маруськой уловила с первого взгляда и мальчика этого

странного раскусила. Шута от ведьмы отданной не оторвать без полного отказа всего рода от покровителей, чего ни один род пока еще не сделал, а значит, шельма периодами сбегает из заключения. Но божок, видимо, снова и снова заводит в облако. Вот тебе и сказки-прибаутки на ночь глядя.

— Ну а теперь, когда узрел, что сделаешь?

Лик неопределенно повел плечом.

— Ничего. Пусть пока повисит, он мне не мешает.

— Кто повисит? — всплыла неожиданно в диалог Руся.

— Значит, так, — забасил Вукола. — Топайте в Пустоши, а у меня дела. Старый я, и с яблони паразитов свести надо. — Змий старчески закряхтел, поднимаясь из кресла.

— А зачем нам в Пустоши? — Руся вопросительно уставилась на шефа, отчего Лик искренне опешил:

— Ты меня спрашиваешь? Впервые слышу.

Куля укоризненно покачал головой:

— Помолчите и дослушайте... Давно это было. Я тогда молод был, здесь жил, в Иномирье нос не совал. Оттого знаю лишь в общих чертах от путников да из редких очерков. Обитала в том мире группа многочисленная единомышленников единосозданных — нефилимов. Идея была по-человечески примитивна: и ангелы, и бог растворились ради спасения обоих миров, а в нефилимах оставили истинное начало и силу. Это начало наши герои стремились в себе развить, став не просто ангелами, но идеальными ангелами. Превзойти своих отцов жаждали. Опять же только в человеческом социуме могли родиться столь абсурдные эгоистичные заблуждения. Я такое изображение с братством крови встречал, только дальше не огонь врезали, а воду. Было это в мемуарах одного замечательного змия, светлая ему память...

Вукола замолчал, перестал шевелиться, глядя в сторону, словно вспоминая кого-то, затем встряхнулся и вновь продолжил:

— В Пустоши живет старый Буран. У Бура страсть к собирательству. Книги на любую дату, любую тему и любой вкус. Там и найдете все в подробностях.

— К кому вы летали?!

Руся озадаченно рассматривала переливающиеся огненным перламутром рога. Черт искренне был не готов с первого раза поверить в услышанное.

— К змию Вуколе, — спокойно повторил шеф, просматривая документы археологов. — Наша Козлова оказалась его приемной внучкой.

Зверобой перевел взгляд на ведьму. На лице его легко читалось пережитое потрясение.

— У тебя это... — Маруся осторожно кивнула в сторону макушки черта. — Там...

— У тебя дед — змей?! — Зверобоя передернуло.

Неудивительно, конечно. Маруся понимала такую реакцию коллеги. Если боги предпочитали с драконами не связываться, то черти из поколения в поколение передавали способы избежать встречи с огнедышащим. Это был уже кровный страх.

— У тебя там... — сделала Руся новую попытку сказать Зверобоею про рога.

— Это все, что у них было? — Лик сердито отбросил документацию, не дав ведьме закончить. — Да старик рассказал в два раза больше!

Зверобой усилием воли вернул контроль над своими страхами.

— А чего ты хотел после великого пожара?

— Чтоб работали лучше. Неужели так сложно найти современников тех событий? Козлова вон мигом нашла! Не в первый ведь раз уже сталкиваемся, и всегда одно и то же. Срок жизни людей одинаков и короток, но они носом грязь роют ради любой крохи информации о своих предках. Уже обращаешься к ним и заранее знаешь, что от Иномирных археологов все равно больше информации поступит.

— Не заводись. — Зверобой нервно повел плечом. — Лучше командуй, что дальше?

— Дальше? Дальше ты сидишь на рабочем месте, а мы отправляемся в Пустошь.

— Вдвоем? Без сопровождения? Слушай! Кончай на меня как на экспонат музейный смотреть и пальцем тыкать! Я и так знаю, что они светятся! Это от меня не зависит сейчас.

Ведьма спешно опустила руку, закрыла рот и нарочито преданно уставилась на начальника.

Лик, которого неожиданная вспышка возмущения Зверобоя тоже немного выбила из равновесия, устало вздохнул.

— В общем, так. Ты, — он кивнул черту, — будь на связи, введи остальных в курс дела, как вернутся. Если у кого какие мысли, версии появляются, прорабатывайте. Теперь ты. — Шеф в упор взглянул на Марусю. — Кидаешь в свою сумку все, что из нее успела высыпать, берешь эту самую сумку, метлу и идешь прямо за мной, не сворачивая и даже не глядя по сторонам. Задачи всем ясны?

— Так точно, — отрапортовал Зверобой.

Руся ничего не ответила, только развернулась и направилась к выходу. Ничего собирать или брать ей не требовалось. И сумка, и ее содержимое, и даже метла — она просто не успела выпустить все это из рук после возвращения от Вуколы. Лик ладонью нервно взлохматил волосы на затылке и пошел следом. Пожалеть о сказанном он успел сразу же, сейчас жалел в два раза сильнее. Быть богом не требовалось, чтобы понять, что обижена и, вполне вероятно, зла. В груди тяжелым камнем осело чувство вины и что-то еще не совсем оформившееся и понятное.

Повинуясь далеко не начальственным порывам, Лик ускорил шаг и поравнялся с ведьмой. Она не взглянула в его сторону. Так и прошли в полном молчании до шахт, где Маруся без колебаний выбрала направление вниз. Эйдолон еще раз нервно взлохматил волосы. Дополнение к списку: злость делает ее собранной и расторопной. Именно то, чего ожидает любой начальник от подчиненного. Однако Лик не ощущал себя удовлетворенным. Хуже, вспомнилось ее зелье от похмелья, ради которого она летала туда, куда нормальные создания нос не суют, и вспомнился дед Вукола с вопросом о Шуте. Эйдолон оглянулся на облако, в глубине которого едва различимо проступало лицо карлика.

— Сидишь? — чуть слышно спросил бог.

Шут по-волчьи оскалился.

— Сиди, — кивнул Лик и отправился снова догонять Марусю.

Козлова умом-то понимала, что в целом шеф правду сказал, но то ум. А вот что творилось с эмоциями, ни в сказке сказать ни пером описать. Гордость почти правдоподобно издавала предсмертные хрипы. Руся при каждом шаге зло ударяла черенком метлы об пол, да так, что даже охрана на выходе из главного корпуса молча уступила ей дорогу. Что шеф бесшумно возник подле ее плеча, она заметила не сразу. Когда же заметила, на душе сделалось заметно теплее. Смотреть на него открыто, понятное дело, настоящая обиженная женщина не станет, зато аккуратно исподтишка — это всегда можно.

Лик не выглядел как бог, готовый командовать и повелевать, он выглядел как мужчина,

готовый извиниться. Руся удержалась от улыбки.

— Подождешь на улице? Я запрос оформлю.

— Так точно!

Эйдолон хмурился, глядя в спину удаляющейся женщине. Он корил себя за несдержанность, за слабость и за то ощущение вины и печали, что от ее холодного «так точно» возросло многократно. И невдомек было богу, что причина его беспокойства на улице счастливо улыбается, донельзя довольная своей маленькой победой.

До Пустошей не существовало прямых рейсов. От ближайшей к ней деревни путешественникам и паломникам предстояло добираться полдня верхом.

Великие Пустоши нельзя было обойти или измерить, невозможно исследовать. Всякий, кто приходил сюда с подобным желанием, исчезал бесследно. Пустоши сами решали, кто станет гостем, куда отправится, чем займется, что увидит, будет ли пользоваться техникой и магией или же нет.

Сказания и легенды сохранили различные версии появления этих земель на лике планеты. Не одно поколение ученых пыталось установить историю происхождения природной аномалии, но тщетно. Лично Марусе больше всего нравилась версия про единственное в своем роде создание. Не горы с прилегающей к ним равниной, не уникальный магический объект, а живое существо иного вида.

Будто в подтверждение, Козловой вспомнилась девочка Женя. Пустоши на протяжении всей своей истории легко уничтожали сильнейших из богов, но не тронули маленького невинного человечка. Почему? Разве не так поступают благородные создания? А может, и вовсе нарочно свели Атума с дочерью.

— О чем задумалась?

Это был первый вопрос, который задал Лик за те два часа, что они находились в пути. Предприимчивое население продавало рюкзаки с допустимой провизией, самокаты, велосипеды, верблюдов, лошадей и ослов, а также сдавало сейфы в аренду.

Маруся смерила начальника хмурым взглядом, вспоминая о тех ценностях, что оставила в деревне на временное хранение.

— О метле думаю.

— Ничего с твоей метлой не случится.

Верблюд под ней издал гнусавый вой и повернул голову, отчего ведьме выпал лишний шанс полюбоваться на слюнявую забавную морду иномирного переселенца.

— Меня Пустоши не пропустят. У меня в голове искусственного много.

Лик неопределенно повел плечом.

— Посмотрим. Ты, главное, пылью не пользуйся.

На самом деле Эйдолон был уверен, что не пропустит могут как раз его, а вот Козлова пройдет. Какой бы искусственной она ни была физически, эмоционально и интеллектуально ведьма остается чистой. Это имеет первоочередное значение для Пустоши. Лик уже поднимался в эти горы однажды и знал точно, с какими мыслями туда можно пройти. Да и не послал бы змий родню на погибель.

— Он серьезно в твою бабушку влюблен был?

Как ни странно, Маруся поняла, о ком идет речь.

— Он и теперь влюблен.

— А Береслава?

Ведьма удивленно покосилась на неожиданно миролюбивого, обаятельного

собеседника. Где ее шеф? Где знакомый командный, не терпящий возражений тон? Откуда столько тепла в голосе?

— Ну... — запнулась Руся. — Она его любит. Я не знаю причину расставания.

Лик задумался на минуту, потом вновь заговорил:

— Долго под его крышей жила?

Козлова пожалала плечами:

— Все детство и юность. Разве ты не знаешь? Я думала, у вас на меня какая-нибудь отдельная папка.

— Две.

— Что?

— Две папки. Просто за документами живое создание не видно. Я вот не догадался, что Вукола и «деда Куля» — одно лицо.

— Прости, — мягко произнесла Руся. — Я забываю, что он змий.

— Счастливое детство было?

От Лика не ускользнула боль, промелькнувшая на ее лице. К тому же Шут за плечом вдруг задергался, забился в оковах.

— С бабушкой и Кулей — очень. Береслава меня спасла от пожизненной изоляции.

Эйдолон нахмурился. Он хорошо помнил свой единственный визит в интернат, где содержали таких, как Маруся. Маги с безумными покровителями, оборотни без регулярных циклов обращения, феи, неспособные слышать Сатира, и тому подобное. Одинокое, сильные, отгороженные от мира, семей и сверстников, глубоко несчастные дети и их тихая, красивая, дорогая тюрьма. Те злополучные часы, проведенные в интернате, оставили тяжелый осадок.

— Дедушка Шута усмирил, а потом со временем и меня научил его подавлять. Бабуля силе родовой учила, — продолжала меж тем Руся. — Счастье мое закончилось в шестнадцать. Знаешь ведь этот древний закон магов «отзовись или отрекись»?

Лик кивнул, стараясь скрыть раздражение. Еще одна безумная черта магических родов. Любой маг, принадлежащий роду и вступивший в полное владение собственной силой, был обязан по первому требованию семьи явиться и жить в родовом гнезде, в противном случае отречься от фамилии. Маги вступали в полное владение силой к шестнадцати годам.

— Зачем ты понадобилась семье? Разве не пытались они от тебя избавиться?

Маруся перевела взгляд с дороги на Эйдолона. Лик с удивлением отметил, что на веснушчатом лице намек на рассеянность нет. Сосредоточенная, внимательная, она оценивала что-то, просчитывала. Затем в ее глазах появилась странная решимость. Она остановила верблюда и неуклюже с него спрыгнула.

— Иди сюда.

Лик, тоже остановивший свое животное, удивленно смотрел на нее.

— Иди ко мне, — повторила она.

Бог спрыгнул на землю и, не веря, что подчиняется далеко не вежливой просьбе, подошел к ведьме.

— Ближе, — вновь скомандовала она.

Когда Ликург исполнил и этот приказ, она вдруг прижалась к нему, встала на цыпочки, взяла его голову в ладони и, заглянув в глаза, проговорила:

— Я — ученик аптекаря.

Эйдолон на мгновение замер, потрясенный информацией, проникшей в его сознание. Древняя бесконечная магия сняла пелену с его разума, позволяя знанию ожить и

оформиться, восстановить связи с произошедшими в прошлом событиями.

— Искусственный ангел, — прошептал бог.

— Восстановил? — улыбнулась ведьма, все еще не отпуская его и не отводя взор. — Ты впервые открываешь ученика, да?

Ликург тяжело выдохнул. Страшнее змия может быть только магия аптекарей. Маруся могла сотню раз прежде говорить, что ученица. Если это было необходимое знание для поставленной ею цели, то оно шло на пользу, не оставляя следа в сознании ее собеседников. Если цели не было, то и слова были ни к чему. Береслава — аптекарь, Лик это знал. «Поцелуй» на труп Маруся нашла. Это он тоже знал. Но складывать два плюс два в мозгу просто не стал. До сего момента Эйдолон ни разу не сталкивался с открытием и, как следствие, никогда вот так вмиг не осознавал, насколько беспомощен перед силами, границ которых не знает. И неизвестно, какие еще факты об аптекарях он знает, но не осознает и не анализирует.

— Тяжело с пониманием, что знал и не осознавал? — догадалась о его мыслях ведьма.

— А дальше что? Отпустишь и я забуду?

Руся отрицательно покачала головой:

— Дашь мне закончить, и осознание останется.

— Что подразумевает «закончить»?

Лик поймал себя на мысли, что смотрит на свое отражение в ее внимательных выразительных глазах с удовольствием.

— Ты все равно не запомнишь. И даже не осознаешь, что я это тебе сейчас сказала. Просто стой смирно.

— Ладно. — Бог глубоко вздохнул и замер.

Руся привела мысли в порядок и начала читать хорошо заученный заговор, перевода которого не знала. Сама она делала это впервые, поэтому выговаривала слова тщательно, сосредоточенно. Одна-единственная неточность, и слушатель погибнет.

Ведьма закончила и вопросительно взглянула на шефа. Получилось у нее или нет, она пока не знала. Магия аптекарей сама определяет, какому созданию стоит доверять знание, а какому — нет. Руся всегда поражалась этой совершенной многоступенчатой системе безопасности. Непрístupный сейф, где хранятся инструменты власти над всем сущим.

— И что дальше? — не понял ее взгляда Лик.

Маруся опустила руки и отступила на шаг назад, освобождая начальство от вынужденных объятий.

— А дальше вопрос. Кто я?

— Каштановый кудрявый смерч с веснушками на носу, — невнятно пробормотал Лик. Из колеи она его выбила сильно. Во-первых, он теперь вдруг осознал не только, что его подчиненная будущий аптекарь, но и еще тот факт, что ученика аптекаря открывают посторонним не аптекари и не сами ученики, а их магия лично. И делает она это крайне редко. Уже мысли в голове путаться начинают. Во-вторых, впервые он подчинялся командам женщины неосознанно. Не нарочно позволял собой командовать, а действительно подчинялся. От этого обстоятельства в голове образовывалась каша. И, наконец, третье: теплые ладони на висках, столь же теплое, стройное тело и чуть бледные полные губы, от которых ему неожиданно с трудом удавалось отрывать взгляд. Слишком много всего, чтобы не потерять на время самоконтроль и способность стройно мыслить.

— А? — не поняла ведьма.

— Говорю, запомнил я. Поехали. До заката успеть надо.

Бормоча под нос эпитеты в адрес начальства, Руся взгромоздилась на верблюда и поскакала навстречу неизвестности.

— Пап, — позвала Женя, протягивая Ярославу чай.

— Ну?

— Ты уверен, что Лику не понадобится информация по ангелам?

Ярослав на секунду зажмурился, делая глоток горячего сладкого напитка, затем откинулся на спинку дивана в приемной, где хозяйничала Женя. Здесь ему нравилось больше, чем в кабинете. Когда должность не обязывала, Атум старался быть поближе к своему единственному ребенку.

— Уверен. Нефилимы об ангелах ничего не знали и с ними не соприкасались.

— А если убил ангел?

— Я промежуточные результаты запрошу. Будет что-то нужное, раскрою.

Женя нахмурилась:

— И кто меня учил искать факты, обладая максимальной информацией?

— Не знаю. — Ярослав пожал плечами, тут же сощурился и подозрительно оглядел своего отпрыска. — Дочь! Ты в него влюбилась?

— В кого?

От неожиданности Женя выпрямилась и уставилась растерянно на Атума.

— В Эйдолона.

Женя сначала прыснула, потом рассмеялась.

— Намек понял. Не издевайся над стариком.

Ярослав вздохнул и продолжил релаксацию, размышляя над судьбой нового создания. Костя не был рожден частью этого мира, а значит, он тот, кого старались когда-то безуспешно искусственно вывести ангелы. Тот единственный, независимый от всех магических полей, кто свое маниту и свою судьбу выбирает сам. Уникальный и неповторимый. Не полукровка, коими были нефилимы, а истинный обладатель двух полноценных сущностей — человека и создания.

— Возьмешь Костю?

— Уже взяла, — отмахнулась Женя.

— Не в тягость?

— Абсолютно нет. Я с людьми по-дружески последний раз не помню уже, когда общалась. Так что мне интересно самой.

— Мой бесценный подарок от Пустошей, — беззвучно проговорил Атум.

— И это вход? — слегка разочарованно спросила Руся, рассматривая низкий неотесанный каменный столб с грубо выбитой надписью «Великая Пустота» на мертвом языке. Это теперь они Пустоши, а раньше звались Пустотой.

— Это не просто вход, — нарочито сурово проговорил Лик, затем после торжественной паузы добавил: — Это парадный вход!

Ведьма издала нервный смешок.

— Тебе повязать на дерево что-то надо, иначе не найдешь ни реальность, ни точку входа. И не забудь про магию, — вернулся к деловому тону Эйдолон. — Не хочешь лишиться пыли — не пытайся ею пользоваться.

— Есть, шеф!

— Не паясничай. От меня не отставай и не отдаляйся. Что ждет нас за чертой, не знаю, поэтому лучше будь начеку.

— Поняла.

— Хорошо. Тогда вяжем якорь и вперед.

Маруся покопалась в карманах, стараясь придумать, что могло бы ей якорем послужить. В конце концов, не нашла ничего лучше, чем привязать к старому разлапистому воздушному дереву плетеный браслет с запястья. Лик достал из-за пазухи платок или что-то вроде того, Руся толком не рассмотрела. Верблюдов оставили тут же. Местные им загон предусмотрительно организовали.

И вот, закончив приготовления, с рюкзаками за спинами они ступили в Великую Пустошь. Руся даже прищурилась, ожидая чего-нибудь эдакого. Молний или смерча, например, или голоса, грозно вопрошающего, что за неправильная ведьма рискнула зайти во владения всемогущей магии. Но ничего подобного не произошло. Да и вообще ничего не произошло. Та же пыльная тропа посреди степи, только каменюка парадный позади, а не впереди.

— И что? И все?! — не сдержала разочарования Козлова.

Лик плечами пожал и зашагал вперед. Говоря откровенно, он и сам был слегка обескуражен. Когда ступил за камень впервые, его восприятие Вселенной исказилось. Мозг словно настройки сменил.

Во-первых, Пустошь лишала магии. Маги не колдовали, оборотни не меняли лик, боги не искажали реальность и прочее, и прочее. Во-вторых, Пустошь словно опыты ставила на своих гостях. И если опыты эти не приносили неизменной пользы подопытным, не было бы здесь столько посетителей ежегодно.

— Ты же был тут, — не унималась ведьма. Она догнала начальника и теперь бежала за ним вприпрыжку. — Что с тобой было? Все говорят, чтоходишь и будто проваливаешься. Что имелось в виду?

Лик сердито выдохнул и ускорил шаг.

— Шеф!

— Я оглох и потерял способность осязать. Когда через пару минут пришел в себя, понял, что звук ощущаю, как прикосновение, а прикосновение, как звук. Ветер оглушал, приходилось закрывать всю поверхность кожи. А от собственного голоса ушам было щекотно.

— Ух... А потом?

— А потом прошло. Не трогают тебя, иди и молча радуйся.

Козлова кивнула, потом вдруг спохватилась:

— А куда идти-то?

Вместо ответа Лик засмеялся и покачал головой. Любое другое создание задало бы этот вопрос еще змию, но не его особая ведьма. Его Маруся задаст важный вопрос исключительно тогда, когда и спрашивать-то уже смысла нет.

— Ой, — пробормотала Козлова виновато.

Все-таки ошибки она признает быстро, не цепляясь за гордость. В большинстве случаев с представителями древних магических домов приходится туго. Они не любят даже мысли допускать, что совершили промах.

— Здесь дорога всегда ведет конкретно к твоей цели.

Руся растерянно взглянула на затылок шефа.

— А если без цели пришла?

— Тогда в твоей голове переберут все главные желания и помогут определиться с жизненными позициями, а заодно и с жизненной философией. Мечтаешь о чем-нибудь?

— Не знаю. — Маруся пожала плечами. Пока шеф говорил, она едва не рухнула носом в пыль, споткнувшись о камень. — В юности мечтала о крыльях.

Лик засмеялся.

— Ты просто никогда не жил под влиянием Шуга, — возмутилась ведьма. — Я из-за него всегда падала. Он, когда не может сам разгуливать, так развлекается. Уводит внимание, а ты падаешь на ровном месте, запутавшись в своих же ногах...

Лик не повернулся, но слова Руси застали его врасплох. За плечом зашипело от боли облако. Бог, не отдавая себе отчета, пожелал зла Шугу, и Пустоши мгновенно исполнили его желание.

— Вот я и мечтала о крыльях. Такие большие, белые, пушистые за плечами, как в Иномирье рисуют у ангелов на картинах и иконах.

— Скорее кожистые и вместо рук, как у летучих мышей. По природе к нам ближе будет, чем птички.

Руся скорчила гримасу.

— Не хочу по природе. Хочу по картинкам.

Эйдолон попытался сохранить серьезное выражение лица, но быстро сдался. Вообще расслабиться настолько он не позволял себе в присутствии сослуживцев никогда (Иму не в счет), а тут рассмеялся совсем некстати. Изображать руководителя вдруг стало не по силам.

Веснушчатые щеки порозовели из-за его смеха. Недовольная и его реакцией, и своей собственной, ведьма плотно сжала губы и тихо обиженно шмыгнула, что взрослости ей по понятным причинам не добавило. Лик поймал себя на очень естественной и простой мысли: захотелось не обижать ее.

— Маруся... — начал он. Козлова от этого обращения вздрогнула и подозрительно уставилась на бога. Лик на мгновение замаялся, соображая, как бы тактичнее извиниться за все то, что она успела от него вытерпеть. Сложностей с извинениями раньше не возникало. Но не в этот раз. Сейчас подбирать слова оказалось очень трудно. — Насчет первого знакомства...

— С кем? — тут же выдала уточняющий вопрос непутевая подчиненная.

Лик про себя еще раз удивился ее способности уточнять невпопад.

— Со мной.

— А-а-а, — понимающе протянула она. — А первого знакомства с тобой кого?

Лик взглянул на Марусю. Она почти бежала рядом, стараясь не отстать, и сосредоточенно следила за почвой под ногами.

— Тебя со мной.

— О! Я не нарочно тогда. Я рассеянная, имена, если мне они не нужны, плохо запоминаю и не особо с окружающими общаться умею.

— Я знаю. Это я хотел извиниться.

Руся сначала даже не поняла смысла услышанного, а когда поняла, впала в ступор. Его ласковое «Маруся» ее из колеи выбило и взгляд теплый, мягкий, добрый, он еще и прощения просить решил за грубость в первую встречу.

— Шеф.

— Называй меня Лик, — еще более мягко проговорил бог.

— Шеф, с вами все в порядке? — перешла на максимально уважительный тон Руся. Настолько уважительно она еще ни к кому не обращалась.

— Зови меня Лик. Тебе кто-нибудь говорил, что ты очаровательное создание?

— Шеф...

— Лик!

— Ли... Лик... Вы меня...

— Ты, — снова перебил ее бог.

— Ты меня пугаете, — закончила мысль Маруся, озадаченно глядя на начальственную ладонь на своем плече. Поначалу он просто обнял, но, когда подчиненная попыталась сбежать, Эйдолон прижал к себе неудачливую беглянку вполне ощутимо. Так что ей осталось только вытянуться в струну и идти в неожиданных и очень теплых мужских объятиях.

— Знаешь, сколько раз я из-за тебя получал? Я из-за Иму столько не получал, а он далеко не подарок. Но ты же свои губки сожмешь, глаза на меня невинные уставишь или нос свой курносый с веснушками беспомощно гордо задерешь, и все! Ребенок ребенком. Разве можно от тебя пытаться избавиться?

— Шеф...

— Лик!

— Лик, по-моему, вы го...

— Ты!

— Ты говорите все, что думаете.

— Не все, что думаю, а все, что чувствую или чувствовал, — согласился Эйдолон и при этом зубами скрипнул. — А еще, похоже, делаю все, к чему эмоции толкают. Если ты меня начнешь спрашивать о чем-то не по нашему делу, я тебя по возвращении уволю, но сначала убью.

— Да.

— Красавица моя.

Руся невесело коротко рассмеялась. Когда напротив нее сидела гиена, ведьма себя ощущала более уверенно, чем сейчас. Лика она не боялась, но предугадать, на что его толкнут эмоции, тоже не могла, так что ситуация более чем странная и опасная складывалась. В какие только передрыги не впутывалась, но подобное происходило впервые. А она-то, наивная, посчитала, что Пустоши ничего не сделали.

Ведьма вся напряглась, сосредоточилась, еще и нахмурилась. Лик усмехнулся, глядя на тонкую морщинку, пролегшую между темных бровей. Затем взгляд его сместился на рыжую кудрявую шевелюру. Он ухватил пальцами одну прядь за кончик, вытянул и отпустил. Словно медная пружинка, она подскочила и вновь приняла свою естественную форму. Донельзя довольный экспериментом, Эйдолон перешел к следующей пряди. Процесс завораживал так, что мысли о работе отступили на второй план.

Маруся не представляла, сколько они прошли вот так в обнимку. Лично для нее время тянулось бесконечно. Шеф успел подергать ее за волосы, погладить по голове, точно домашнего любимца, по-дружески потискать за плечи, одобрительно похлопать по спине, рассказать, какая она вредная, красивая, нелепая. У Руси в целом сложилось впечатление, что он к ней относится как к маленькой обожаемой племяннице. Если бы не сплошная стена гор, тонущих в молочном густом тумане, в которую уперлась дорога, шеф так и не отвлекся бы от своего развлечения.

— Да, Рыжик, — задумчиво протянул он, глядя в туман. — Вот и первые прихоти нашего хозяина. Теплые вещи надевай.

— Не рано?

Козлова понимала, что с подъемом температура начнет падать, но не поняла, для чего одеваться здесь внизу.

— Надевай. Впереди есть граница. Мы с тобой по одну ее сторону, где тепло и сухой воздух, горы по другую сторону, там сейчас должно быть прохладно и крайне влажно.

Эйдолон оказался прав. Приближаясь к горам, они действительно переступили незримую черту, за которой их ждали совершенно иные погодные условия. Здесь тропа заставляла путников быть внимательными. По влажным камням, покрытым мхом и лишайником, идти было нелегко. Руся многократно успела помечтать о милой сердцу метле.

— Да, метла твоя не помешала бы, — согласился в унисон ее мыслям бог.

— Вы откуда знаете, о чем я думаю?

— Понятия не имею, о чем ты думаешь. — Лик пожал плечами, продолжая осторожно идти по горной тропе. — Не упади. Под ноги смотришь?

— Смотрю.

Руся опустила голову и начала искать участки каменистой почвы, не покрытые зеленью. Шеф прав. Падать здесь и ломать себе что-нибудь — не лучший вариант ведения расследования.

Они больше двух часов провели на горном маршруте, когда неожиданно дневной свет погас. Не сумерки, не затмение, просто темнота, как будто по щелчку.

— Ли-ик, — шепотом позвала Маруся.

— Вот именно, Рыжик. Субординация — не твое, — проговорил в ответ бог. — Стой, не шевелись, я лампу зажгу.

— Почему так темно?

— Скорее всего, проход нам предоставили.

Руся не на шутку испугалась. Она развернулась в направлении голоса шефа и осторожно начала вытягивать руку, ощупывая воздух. Если доверять слуху, то Лик должен был находиться совсем близко.

Ослепительно вспыхнула спичка, выхватив из темноты небольшое пространство вокруг. В Пустошах безотказно работали старые человеческие изобретения. Эйдолон зажег керосинку и взглянул на спутницу. Она стояла в метре от него и, шурясь, рассматривала неровные каменные стены и потолок.

— А почему субординация не мое? — Голос прозвучал меланхолично, немного отстраненно, заставив Лику улыбнуться.

— С самого начала с «ты» переходишь на «вы» и обратно. Помнишь?

Руся, приоткрыв рот, рассеянно уставилась на шефа, потом пробормотала:

— На пещеру похоже или туннель. В какую сторону идти?

— Хороший вопрос. — Ликург обошел небольшое помещение по кругу и тем самым ответил отчасти на последний вопрос Козловой. В какую сторону идти? Да ни в какую. Выхода не было. — Ты ведь не боишься замкнутых пространств? — осторожно уточнил он у подчиненной.

— Пока нет.

Лик постучал костяшками по одной из стен. От Пустошей ожидать можно чего угодно. Могло так случиться, что камень окажется не камнем.

Могло, но не случилось. Пещера была самой настоящей. Холодной, влажной, темной и, что самое неприятное, — с ограниченным запасом кислорода.

— Придется лампу погасить, — максимально спокойным тоном констатировал Эйдолон.

Как ни странно, Маруся без лишних вопросов поняла и приняла его намерения. Последнее, что Лик увидел, погружая окружающее пространство в темноту, — испуганное веснушчатое личико с упрямо сжатыми губами.

— Что дальше? — тихо спросила она.

Лик растерянно потер лоб. Он понятия не имел, что дальше, но признать вслух такое означало подвести доверившееся ему создание.

— Не знаю, Рыжик, — сказал правду и болезненно поморщился, ругая про себя магию Пустошей за подарок в виде чрезмерной искренности.

— А что обычно дальше посетители делают, когда их куда-то заносит?

Такую реакцию с ее стороны Эйдолон ожидал в последнюю очередь. В голосе Козловой чувствовался страх, но это не мешало ей вдруг начать рассуждать здраво.

— Как правило, заносит не просто так, а исходя из неких сложных соображений. То есть обычно Пустоши избирают для каждого создания свой личный путь преодоления страхов, боли или поиска ответов, причем часто на невысказанные вопросы. Вроде головоломки, у которой есть единственно верное решение и исключительно для тебя. Решаешь — получаешь новый прыжок или выход.

— А если не решаешь?

— Я не читал и не слышал никогда о тех, кто не решил. Они не возвращаются отсюда, оседают потом в списках без вести пропавших, и все.

— И все... — эхом повторила Руся. — Значит, вот эта милая комната нужна кому-то из нас.

— Нам обоим. В противном случае мы были бы уже порознь.

— А подсказок не бывает?

Ликург пожал плечами:

— Ни разу не слышал.

После этой реплики в пещере воцарилось молчание. Лик слышал ее тихое дыхание, шорох одежды, когда она медленно передвигалась, и пытался сосредоточиться на поиске решения возникшей проблемы. Ему стоило немалых усилий подавлять эмоции. Не пытаться взять ее за руку или за плечо, дабы быть уверенным ежесекундно, что она невредима. Не задавать нелепых вопросов о том, что делает и не боится ли. А главное, не называть Рыжиком.

Последнее нервировало больше всего. Прозвище родилось не спонтанно и не под влиянием внешней магии. Совсем нет. Рыжиком про себя он начал звать ее к концу первой рабочей недели. И до сегодняшнего дня еще ни разу не произносил вслух.

Лик вспомнил непередаваемое зрелище блестящих пружинистых прядей, которыми он так опрометчиво играл, и растерянное выражение веснушчатого лица, когда он эту забаву только начал. Нежная, смешная, умная, пугливая, наивная, оранжевая, золотистая, алая — такие эпитеты приходили ему в голову при всяком упоминании о его ведьме. Все эти эпитеты превосходно передавало прозвище Рыжик. Словно она девочка, а не женщина. При этом Лик отлично осознавал, что как девочку ее воспринимает из всего окружения только он сам. В последние дни он все чаще ловил Зверобоя за пристальным созерцанием Руси вообще и ее

губ в частности. Полные, чуть бледные. Она могла выразить ими любые свои чувства. Могла их приоткрыть, озадаченно глядя на собеседника, и тогда собеседник, если он оказывался мужчиной, чаще всего начинал терять нить разговора. Она имела привычку, нервничая, порывисто облизывать нижнюю губу кончиком языка. Это ее движение заставляло Зверобоя замирать. Лик готов был поклясться, что черт дыхание задерживает в такие мгновения.

Ее сексуальность не бросалась в глаза и не поражала мгновенно, как это случалось, к примеру, с нимфами. Маруся захватывала незаметно, постепенно, мужчина просто погружался в нее, как в тихий сладкий омут, из которого легко выбраться, но нет никакого желания выбираться.

На ум пришло ее личное дело с копиями полицейских протоколов. Бывший муж преследовал ее несколько лет после развода. Были записи о судебных запретах и штрафах для нескольких созданий уже после мужа. Конечно, теперь там был Дингир. Лик разозлился, вспомнив о гиене. Кем бы ни притворялся этот божок, но его интерес к Марусе далеко не исследовательский. Он не исчезнет просто так из ее жизни, завершив миссию с Зайцевым. Лик был уверен, гиена будет регулярно появляться в попытке добиться ведьмы. Он слишком захотел ее, чтобы не попытаться удачу, а еще он не настолько слаб, чтобы заставить принудить ее против воли. Нет. Дингир будет желать ее исключительно по согласию.

— Что может быть поучительного в темной пещере без выхода? — отвлекла начальника от размышлений Руся. — Или полезного... Шеф, у вас страха перед замкнутыми пространствами нет?

— А похоже, что есть?

— Не очень.

Козлова вздохнула.

— У меня пока тоже... Зачем нам пещера? — Маруся задумчиво пожевала щеку, ну а потом решила действовать наугад. Хуже-то точно уже не будет. — Хозяева!

Лик вздрогнул от громкого вопля, разрезавшего воздух.

— Хозяева! Нам змий был нужен с библиотекой, а не сырая пещера!

— Пустоши — иная форма магии, нежели мы, — в воцарившейся тишине проговорил Лик. — Твой способ не годится, к тому же...

Договорить Эйдолон не сумел. Ему попросту не дали. Прямо по центру пещеры появилось свечение. Сначала в виде маленького белого шара, затем оно вытянулось в тонкую линию от потолка до пола и развернулось в ширину, образовав ослепительно сияющий проход. Первой пришла в себя Маруся. Ее глаза быстрее привыкли к свету, и ей удалось различить неясные очертания неких объектов внутри прохода. О чем она не преминула сообщить начальству. Однако Лик особой радости не проявил, произнес сухую короткую фразу:

— Я вижу.

— Так вот как выглядят двери Пустошей, — не обратила внимания на шефа Маруся. Она с благоговейным трепетом приблизилась к объекту посреди пещеры.

— Увы, Рыжик. Не хочу тебя расстраивать, но, как правило, все выглядит так, как было до этой минуты. Пустоши никогда не предлагают перейти, они просто переносят. А такое впервые вижу, никогда не читал и не слышал.

Руся обернулась на его голос, но выражения ее лица на фоне яркого света Лик различить не смог.

— Значит, нам выбор предлагают?

Вместо ответа Эйдолон подошел и встал рядом с ведьмой.

— Странный выбор, — сама прокомментировала свой вопрос Руся. — Единственная дверь в замкнутой комнате.

И тут шеф не ответил. Взял подчиненную за руку, глубоко вздохнул и потянул к выходу. Маруся толком не поняла, от чего больше растерялась. То ли от того, что Лик явно нервничал, то ли от того, что он ее пальцы со своими переплел и крепко сжимал. В любом случае, находясь под впечатлением, она не сопротивлялась, шла безропотно следом и совсем не заметила, как пересекла новую границу.

В первое мгновение по ту сторону свет ослепил, затем, когда глаза привыкли, Руся смогла оглядеться. Под ногами — полевая зелень, над головой — голубое небо, по правую руку на горизонте — темный лес, по левую — блестящая лента реки. И ласковый солнечный свет. Тот самый, из-за которого проход так сиял. Порыв легкого теплого ветра принес с собой запах трав и воды.

— Это мы где? — прошептала Руся.

В отличие от подчиненной Лик ответил вслух:

— Пока не знаю, Рыжик. Но светятся они красиво.

— Кто? — не поняла она.

Бог улыбнулся и указал кивком на рыжие вьющиеся пряди. Маруся попыталась направить взгляд в том же направлении, но, поскольку задача была заведомо невыполнимая, рассмотреть что-либо не получилось, поэтому ведьма поступила иначе. Она перекинула волосы на плечо, но, к своему удивлению, ничего необычного или нового не увидела.

— Они всегда на солнце такие, — не поняла Руся восторга руководства.

— А я знаю, — таинственно прокомментировало руководство, потом взяло Марусю за вторую руку, переплело пальцы, склонило голову и доверчиво уставилось на нее перламутровыми глазами без зрачков. — Маруся, ты сильный маг без пыли?

Козлова обескураженно смотрела на шефа и даже губы от растерянности слегка приоткрыла.

— Понимаешь, Рыжик... Мы в мире людей — это первая половина беды. Судя по древним силовым потокам Эйдолон, мы с тобой в далеком прошлом — это вторая половина беды. И в дополнение маленькая неприятность: в камышах на берегу той милой реки, что по левую руку от тебя, сидят воинственные, молодые, не очень чистые человечки. У них на троих тридцать зубов, четыре примитивных лезвия, дохлый заяц, и мы им не нравимся.

Руся нахмурилась, после чего без тени улыбки уточнила:

— А зачем им мы, если у них есть дохлый заяц?

Лик тихо засмеялся, отчего его перламутровые глаза начали излучать энергию.

— Не могу не согласиться со справедливостью прозвучавшего замечания.

— Выходит, здесь наша сила работает?

— Еще как работает, Рыжик. Но пока просто не сопротивляйся.

— В каком смысле... — начала Руся, только договорить не успела. Одной легкой подсечкой ее опрокинули спиной на землю. Сам шеф оказался лежащим сверху.

Как и стоило ожидать, Козлова отреагировала, но весьма своеобразно:

— Эй! Там же вещи!

Это она про свой рюкзак.

— Ценности!

Это она про свою пыль.

Лик знаками велел ведьме молчать.

Поскольку Русю припечатали навзничь, ей не составило труда повернуть голову и прижать ухо к земле. Как любая ведьма древней крови, она легко могла слышать то, что происходит на поверхности земли, и определять, как далеко это происходит. Шеф упомянул о силовых потоках своего рода, а значит, он мог то же самое, но черпая информацию буквально из воздуха. Люди бежали быстро, тихо и предполагаемых жертв не боялись. Подобным образом могли себя вести представители касты охотников или воинов. И даже не важно, о каком мире шла речь, создания и люди в вопросах психологии схожи.

Руся повернула голову и взглянула на шефа. Он по-прежнему лежал на ней сверху, опираясь руками о землю. Его глаза все еще светились, зрачков не было видно, и смотрел он не куда-нибудь, а на Козлову. Смотрел и не моргал, и лицо при этом не выражало ничего. Кабы не хорошее образование, Руся бы не поняла, что бог ничего не видит на самом деле. Он следит за тремя героями. Когда-то в прошлом боги создали в Иномирье целую сеть своих информационных потоков. Наблюдать, слышать, ощущать, незримо присутствовать — система позволяла собирать максимально достоверную информацию, идеальный инструмент шпионажа. Паролем для доступа служило уникальное для каждого рода маниту, проще говоря, право на вход имели только кровные представители. В настоящем создание такой системы было делом уголовным.

Маруся склонила голову набок. За размышлениями не заметила, как залюбовалась начальством. Вообще-то любая нормальная женщина с первого взгляда им восхищаться станет, даже под маской мага. На то он и бог, чтоб быть совершенным в своей физической привлекательности. Русю всегда спасало положение будущего аптекаря, так что его внешность по-настоящему ее тронула только теперь, и ведьма была слегка озадачена. С чего это вдруг? Глаза у него впечатляли — это правда, но не настолько, чтоб заинтересоваться шефом как мужчиной. А Руся отчего-то заинтересовалась. Вот так неожиданно и непредсказуемо.

— Крас-с-савчик! — на грани слышимости прошипел знакомый голос. За плечом Лика на фоне ярко-голубого неба проступили очертания улыбающегося Шута.

Козлова тяжело вздохнула.

— Только тебя мне не хватало, — беззвучно проговорила она. Бог занят, ослабил хватку, и псих проснулся. Зато ее эмоциональная неустойчивость сразу получила объяснение. Шуту скучно, он веселья хочет, а веселиться никто не дает, только в оковах держат.

Трое обладателей ножей и зайца наконец добежали до своих «жертв». Руся даже обрадовалась их появлению. Шеф был тяжелым, и большая часть его веса прилась на ее левую ногу, отчего та онемела. Так что освободиться ей уж очень хотелось. Да и любопытны были дальнейшие планы начальства.

Начальство удивило. Оно вдруг перестало сверкать божественными глазами, обернувшись в новую оболочку, вскочило резво и начало по-человечески драться с человечками. При этом расклад сил был неоспорим. С парой незаклятых ножей против бога идти — равно зубочисткой в слона тыкать. Теоретически вред нанести можно, но это ж как изловчиться надо!

Пока шеф старательно изображал бравого человеческого мужчину, растягивая секундный бой в минуты, Руся, кряхтя, села и начала разминать онемевшую конечность руками. Если начальству так надо, значит, спорить или вмешиваться не стоит. Этот закон ведьма уяснила. Все равно потом расскажет, чего конкретно хотел добиться. Рядом лицом в траву

приземлилось туловище. Руся перевела взгляд на затылок с богатой темной шевелюрой, собранной в хвост по тому же принципу, что у их «изюминки» из болота.

Это уже было любопытно, и Козлова прервала массаж, решив в интересах текущего расследования испортить прическу поверженному господину. Но стоило ей потянуться к кожаному плетеному шнуру, как... Нет. Господин не повернулся и даже не застонал, шеф отпинал вояку на совесть. Дело в другом. Руся как-то не вспомнила сразу, что в прошлом в людях много всякой живности водилось. Оттого, когда по трем замысловато уложенным хвостикам пробежало насекомое, а потом на пару сантиметров левее еще одно, ведьма пискнула, отдернула руки и на всякий случай отодвинулась. И в эту же секунду сделала важное открытие.

— Шеф! Вшей у «изюминки» не было!

Аккурат в ряд с первым упали еще два туловища.

— Марусенька, — вкрадчиво начал ответную речь Лик, — какой был приказ?

— Молчать, — шепотом отозвалась Козлова, снизу вверх преданно уставившись на Эйдолону. — Что, даже сейчас надо было молчать?

— Да.

Лик не злился. Он на местном диалекте уточнил, понимает ли она подобную речь. Ведьма уставилась удивленно на него, что Ликург и принял за ответ.

Дальше Руся с любопытством наблюдала, как шеф ногой откатил ближайшего к нему вояку в сторону, присел рядом с его плечом на корточки и, на мгновение сверкнув глазами, вытянул его сознание из небытия, а затем заговорил. Языка Козлова не понимала, но общая картина была знакома. Эйдолон вел допрос. Голос его звучал спокойно, сурово, тихо. Поверженный воин не отличался болтливостью, все как-то больше пытался подняться и отмалчивался. Смерти эти парни не боялись. Не добившись ничего от первого, шеф отключил его и вернул сознание второму. Картина повторилась. Третий, кажется, поведал чуть больше остальных.

Говорить запретили, так что Руся уставилась на начальника максимально, по ее мнению, вопросительным взглядом. Лик усмехнулся. У нее мимика без того выразительная, а когда она пыталась нарочно добавить выразительности, зрелище получалось пугающим. Это как с тем ее плотоядным оскалом, который она считала, очевидно, обворожительной открытой улыбкой и в ход пускала редко, но когда пускала, становилось страшно.

— Мальчик сказал, что хоть они простые служители, но ангелы за них отомстят.

Мальчик? Руся растерянно потерла мочку уха, пытаясь осознать, по какой причине шеф назвал одного из агрессоров мальчиком.

— Им и семнадцати еще нет, — понял ее без слов Лик. — Поднимайся. Мы идем к ангелам. И почему я не удивлен, что тебя заинтересовало слово «мальчик», но не фраза «ангелы за них отомстят»?

Маруся пожалала плечами и, стараясь опираться больше на правую ногу, встала. Ангелов не существует. Это все знают. Либо мальчишки лгут, либо «ангелы» мальчишкам солгали о своей сущности. Что тут удивительного или сложного. А вот определить возраст человека, когда он не мыт, не брит, не стрижен и плохо пахнет, — сложно.

Сигюн давно спала, а он все не мог разжать объятий. Локи положил подбородок ей на плечо и принялся рассматривать выцветшие русые брови и ресницы. Бледная, почти белая прозрачная кожа с фиолетовым рисунком вен. Тонкие кости. Он любил ее острые ключицы и

ее локти, хрупкие запястья, длинные пальцы с овальными ногтями, заманчивый изгиб спины и узкие ступни. Она не изменилась ни капли. Все такая же, какой он ее нашел когда-то. Милая, хрупкая, нежная, беззащитная. Локи склонил голову набок. Он знал, что создания думают, глядя на них двоих. Что такая богиня делает рядом с ним, опасным и непредсказуемым трикстером, турсом^[9]. И никому в голову не приходит, что эта богиня может быть в десятки раз опаснее его. Он и сам бы не поверил, не наблюдай это лично. Локи переключил внимание на русые длинные пряди. Он любил их запах. Он обожал Сигюн всегда. Она поразила его с первого взгляда.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Нефилимы — падшие. Библейские персонажи, упоминаемые в Пятикнижии (*ивр.*). —
Здесь и далее примеч. авт.

Десенсебилизация — метод психотерапии.

Мимир — великан в германо-скандинавской мифологии.

Полевик — дух в мифологии славянских народов, хозяин поля.

Маниту — на языке индейцев-алгонкинов Северной Америки — дух, бог. По их поверьям, маниту наделяны любые объекты: растения, животные, искусственно созданные человеком объекты в том числе.

УЛЬВ — волк в переводе с древнескандинавского.

Сигюн — богиня в скандинавской мифологии.

Трикстер — архетип в мифологии, фольклоре и религии. Божество, дух, человек или антропоморфное животное, не подчиняющееся общим правилам поведения. Обманщик, ловкач (*англ.*).

Турсы — великаны в германо-скандинавской мифологии, чаще всего человекоподобные.